Зиновьев

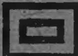
НА ПЛЕНУМЕ Исполкома КОМИНТЕРНА

НА ПЛЕНУМЕ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА

12. VI. 23.

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Г. ЗИНОВЬЕВА



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА .. 1923 .. ПЕТРОГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ПЕТРОГРАД.

Главное Управление: Москва, Софийка, уг. Рождественки, д. 4—8.

Общественные знания.

БУХАРИН, Н.—Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Изд. 2-е. Стр. 385. Ц. 85 к.

ВОЛЬФСОН, М. Б.—Очерки обществоведения. Изд. 2-е. Стр. 428.

ЗИНОВЬЕВ, Г. и ЛЕНИН, Н.—Против течения. Сборник статей. Изд. 3-е. Стр. 555. Ц. 1 р. 20 к.

КАУТСКИЙ, К.—Критики теории и практики марксизма („Антибернштейн"). Стр. 297. Ц. 75 к.

КУНОВ, Г.—Возникновение религии и веры в бога. Перев. и пред. И. Степанова. Изд. 3-е. Стр. 182. Ц. 35 к.

ЛЕНИН, Н. (Ульянов В.) —Собрание сочинений, т. II. Экономические этюды и статьи (1894—99 г.). Стр. 552. Ц. 1 р. 30 к. в пап.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. III. Развитие капитализма в России. Стр. 548. Ц. 1 р. 30 к. в пап.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. IV. „Искра". 1900—03 г.г. Стр. 335. Ц. 80 к.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. VI. 1905 г. Стр. 528. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. VII, ч. I. 1905—06 г. От октября 1905 г. до роспуска 1-й Гос. Думы. Стр. 352. Ц. 70 к., в пап. 80 к.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. VII, ч. II. 1905—06 г. От роспуска 1-й Гос. Думы до начала избирательной кампании во 2-ю Гос. Думу. Стр. 303. Ц. 75 к., в пап. 1 р.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. VIII. 1907 г. Стр. 663. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 26 к.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. X. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 328. Ц. 65 к., в пап. 70 к.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. XIV, ч. I. Буржуазная революция 1917 года. От Февральской революции до июльских дней. Изд. 2-е. Стр. 324. Ц. 1 р. в пап.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. XIV, ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до Октябрьской революции. Изд. 2-е. Стр. 536. Ц. 1 р. 45 к., в пап. 1 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. XV. Пролетариат у власти. 25 окт. 1917 г.—31 дек. 1918 г. Стр. 692. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 30 к.

ЕГО ЖЕ.—Собрание сочинений, т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 477. Ц. 1 р. 25 к. в пап.

НА ПЛЕНУМЕ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА

12. VI. 23.

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Г. ЗИНОВЬЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1923 . . ПЕТРОГРАД

Гиз. № 6248. II. 28. VI. 23. — 8000 экз. Петрооблит № 6177.

I.

ДОКЛАД

на расширенном пленуме Исполнительного Комитета Коминтерна.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Товарищи. Шесть месяцев работы лежат позади нас со времени IV конгресса. Это не такой срок, в течение которого могло бы совершиться много принципиально нового. Но все же некоторые вопросы за эти полгода выяснились в гораздо большей степени, чем это было во время IV конгресса. И, я думаю, на этой сессии расширенного Исполкома нам придется принять и некоторые новые политические решения.

Международное политическое положение, специально вопрос о фашизме, будет освещено в предстоящих специальных рефератах, так что я могу здесь ограничиться немногим. За время, истекшее с IV конгресса, выявилось, что в некоторых крупных капиталистических государствах экономическая конъюнктура всетаки изменилась в пользу буржуазии. Северо-Американские Соединенные Штаты переживают высокую конъюнктуру. Некоторые улучшения в экономи-

ческой конъюнктуре отмечаются также в таких странах, как Англия, Франция и Бельгия. В центральной Европе попрежнему большая дезорганизация. В Японии и в Индии — экономический кризис. Как будут развиваться события дальше — трудно предвидеть. Товарищ Варга прав, когда он говорит: еще неясно, потянет ли за собой Америка, которая уже приближается к экономическому кризису, другие начинающие возрождаться европейские страны, или, наоборот, эти европейские страны пройдут еще через более длительный период промышленного подъема.

Что касается международного политического положения, то оно более всего характеризуется в настоящий момент конфликтом между Англией и Россией. По моему глубокому убеждению, поворот в английской политике, как и вообще поворот в международной политике буржуазии по отношению к Советской России, является доказательством того, что международная буржуазия нажимает на Советскую Россию не по причине ее слабости, а по причине растущей ее силы. Непосредственная развязка англо-русского конфликта еще неизвестна, но уже ясно, что, так или иначе, мы имеем пред собой начало новый главы международной политики буржуазии по отношению к Советской России. Международная буржуазия почувствовала, что новая экономическая политика Советской России не есть капитуляция коммунистов, как буржуазия себе это вначале представляла. В течение первого и второго года нэп'а эти господа серьезно верили в то, что нэп есть принципиальная капитуляция революционного пролетарского государства России. Они с улыбкой ждали того момента, когда русский коммунизм сам себя загубит. Теперь они начинают убеждаться в том, что их представление было ошибочно. Теперь

и слепой видит, что новая экономическая политика Советской России ни в коем случае не была капитуляцией, а наоборот. С того момента, когда на мировом рынке вновь появился русский хлеб, мировая буржуазия начала это понимать. Теперь доказано, что русские коммунисты никогда еще не имели столь безраздельной поддержки со стороны русского рабочего класса, как до сих пор. И именно в силу этого иные вожди международной буржуазии говорят себе: теперь надо действовать быстро, ибо если мы пропустим еще немного лет, будет слишком поздно. Это и есть основа нового поворота международной политики по отношению к Советской России. Возможно, что этот поворот займет целую новую главу в международной политике.

ФАШИЗМ.

Что касается фашизма и реакции, то мы, к сожалению, видим, что они прогрессируют. Вчерашние события в Болгарии показали это с достаточной ясностью. Вы можете сегодня прочитать в газетах, что царь Борис, после того как государственный переворот совершился и все правительство и все депутаты из партии Стамболийского были арестованы, издает декрет, в котором с соблюдением всей законности подписана отставка премьер-министра Стамболийского. Как видите, дело происходит на точном основании закона. Все это доказывает только то, что ежели, по ошибке, царя или короля оставлять на свободе, то всегда остается та опасность, что в подходящую минуту этот король издаст подобный декрет. Господа демократы из крестьянского правительства Стамболийского вполне этого заслуживают.

Что касается фашизма, то я думаю, что бороться против него в тех странах, где он получил особенное развитие, следует более всего на экономической почве. Не следует всякое проявление реакции называть фашизмом. Необходимо различать и понимать, что, например, итальянский фашизм теперь уже есть нечто совсем другое, чем он являлся полгода или год тому назад.

Итак, товарищи, положение в общем остается тем же, каким оно было во время IV конгресса. Опасность новых войн стала еще более очевидной. В течение истекших шести месяцев Европа несколько раз переживала ситуации, которые за одну ночь могли привести к войне. И все положение вещей остается таким, что мы и теперь можем ожидать таких же опасностей.

2-й и 2½-й ИНТЕРНАЦИОНАЛЫ.

За это время объединились 2-й и 2½-й Интернационалы. Я не знаю, товарищи, следует ли мне в таком собрании, как наше, подвергать подробной критике работы 2-го Интернационала в Гамбурге. Я думаю, этого не стоит делать. Некоторые товарищи в прессе указывали на то, что даже с точки зрения последовательного реформизма работы 2-го Интернационала в Гамбурге не выдерживают ни малейшей критики. И это правда. Это был конгресс без царя в голове. Никакой определенной, пусть даже реформистской принципиальной линии у конгресса не было. Это была просто картина распада, такого же распада, какой мы наблюдаем за последнее время в объединенной германской социал-демократии. Кто остался во 2-м Интернационале? В сущности говоря,

только две серьезных партии: германская социал-демократия и английская Лейбур Парти. Крайне характерно, что даже такие люди, как Каутский и Бернштейн, не играли никакой роли в Гамбурге. На сцену выступили субъекты еще похуже Каутского и Бернштейна. Появились новые люди, которые не отягощены даже «социалистическими» традициями Каутского последней формации. Вспомните, товарищи, что было время, когда даже 2-й Интернационал задумывался, принимать ли в свои ряды Лейбур Парти. Я отлично помню, это было, кажется, в 1908 г., как Каутский доказывал, что Лейбур Парти во 2-й Интернационал принять нельзя. И только после того, как интернациональное социалистическое бюро 2-го Интернационала приняло эту партию, Каутский, как это было для него привычно, «теоретически» обосновал уже принятое решение. Что же, разве за это время Лейбур Парти стала лучше, приняла более революционный характер? Нисколько. Я думаю, наоборот, 2-й Интернационал стал хуже. Вот в чем дело. Только поэтому стало возможно, что рабочая партия не только принята во 2-й Интернационал, но играет в нем первую скрипку.

Это был, как мы уже сказали, конгресс без царя в голове, без души. Перед нами разыгралось забавное зрелище полемики между русскими меньшевиками и вождями английской Лейбур Парти. При этом русские меньшевики, которые еще совсем недавно причисляли себя к левому крылу $2^1/_2$-го Интернационала, на этом конгрессе внезапно оказались правейшим крылом 2-го Интернационала. Достаточно вспомнить пресловутый организационный устав объединенного 2-го Интернационала, принятый в Гамбурге. Это не шутка, это — не анекдот, а факт: собравшиеся в Гам-

бурге, с позволения сказать, социалисты постановили, что те из членов их исполкома, которые вступят в буржуазное министерство, механически выбывают на время из этого исполкома. А когда же этот «социалистический» министр будет выжат буржуазией, как лимон, и выброшен из министерства, он, повидимому, вновь может стать законнейшим и почетнейшим членом исполкома 2-го Интернационала. Это — решение, которое нельзя назвать иначе, как комическим. Это все равно, как если бы принято было решение в том смысле, что ежели кто-либо из них становится вором, то он не может быть почетным членом их общества, но по отбытии этим вором уголовного наказания всетаки можно еще подискуссировать о том, нельзя ли его все же принять в среду почтенных людей... Эти господа из 2-го Интернационала пали так низко, что поистине не хватает слов для их характеристики. Они стали недосягаемы для нашей критики по той простой причине, что вообще вышли за пределы минимальнейшего минимума, который можно предъявить к человеку, сколько-нибудь похожему на революционера.

В нашей коммунистической прессе пытались пространно доказывать, что Гамбургский интернационал есть, в сущности, вовсе не интернационал. Даже г-н Пауль Леви пренебрежительно заметил: что же это за интернационал такой, в котором одни защищают «свою» буржуазию, а другие—«свою» буржуазию. Это больше похоже на Вавилонскую башню. Да, товарищи, это действительно не интернационал. Но нам необходимо иметь в виду только следующее: эти господа ни в каком интернационале и не нуждаются. И по этой простой причине такая критика их опять-таки не достигает цели. Это значило бы зря время терять, если бы

мы стали доказывать, что 2-й Интернационал—вовсе не интернационал. Не это нам нужно. Нам нужно самим понять и объяснить рабочим, что господа социал-демократы ни в каком подлинном интернационале и не нуждаются, что им нужна только интернациональная вывеска для обмана рабочих. И это они в Гамбурге блестяще подтвердили.

ГАМБУРГСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Укрепит ли это гамбургское объединение в какой бы то ни было мере силы нашего противника? В некоторых странах на самый короткий период—пожалуй. Некоторые из наших французских друзей говорили мне, что во Франции Гамбургский конгресс, быть-может, и произведет некоторое впечатление на часть отсталых рабочих. Это возможно. Вспомните, товарищи, объединение социал-демократов в Германии. И тогда некоторые из наших товарищей преувеличивали значение этого объединения и думали, что оно составит чуть ли не новую эпоху германского рабочего движения и придаст много сил социал-демократии. Однако, не прошло еще и года, и теперь каждый видит, что это объединение нисколько не усилило германскую социал-демократию, а, напротив, ослабило ее. Кризис внутри германской социал-демократии никогда еще не был так силен, как сейчас. Германская социал-демократия почти совершенно не созывает теперь массовых собраний. Ее выступления в рейхстаге тоже небывало бесцветны. У нее не хватает даже той печальной последовательности, которая у этих героев была тогда, когда они были более однородны. Я убежден, что то же самое произойдет теперь в интернациональном масштабе.

Уже в самом Гамбурге во время конгресса те немногие участники, у которых осталась хоть искорка совести, не скрывали того, что 2-й Интернационал никакого будущего не имеет. С точки зрения интересов наших коммунистических партий, это — только выигрыш для нас, что $2^1/_2$ Интернационал больше не существует, как самостоятельная организация. 2-й и $2^1/_2$-й Интернационалы съехались в Гамбурге как будто со специальной целью ускорить процесс распада, происходящего в их среде.

КОМИНТЕРН — ЕДИНСТВЕННЫЙ БОЕВОЙ ОРГАН ПРОЛЕТАРИАТА.

За эти шесть месяцев доказано с полной наглядностью: нет другого интернационала, кроме Коммунистического Интернационала. У нас нет еще большинства среди рабочего класса всего мира. Это, к сожалению, факт. Но все же, если вообще существует на свете какое-либо международное объединение рабочих, которое искренно работает над сплочением наших сил в интернациональном масштабе, так это только наш III Интернационал. Достаточно вспомнить комедию в Гааге, где амстердамцы конкурировали в бесстыдстве с вождями 2-го и $2^1/_2$-го Интернационалов. И достаточно рядом с этим вспомнить две наши конференции, связанные с Руром: в Эссене и во Франкфурте. Это факт, что впервые после войны две больших партии, действующие в самом сердце Европы, германская и французская коммунистические партии не только были принципиально солидарны друг с другом, но провели рука об руку большую практическую политическую кампанию. Эта кампания не была достаточно сильна, мы не смогли еще побороть буржуазию, мы не смогли

устроить большой стачки или восстания и даже крупной демонстрации, но все же не следует не дооценивать того факта, что в роковую для Европы минуту две больших коммунистических партии работали рука об руку при полной поддержке Советской России. Я уверен, что и многие честные социал-демократические рабочие, наблюдая все это, впервые получили впечатление, что только наша международная организация пытается организовать интернациональную борьбу против буржуазии. Да, удельный вес наших организаций еще недостаточно велик, но мы имеем все же многообещающее начало. Теперь практически доказано, что мы не только принимаем совместно резолюции, но и совместно действуем. В момент, когда два больших европейских государства берут друг-друга за горло, две больших коммунистических партии этих государств братски работают в полной солидарности друг с другом. Без преувеличения, это — историческое событие. Это — доказательство того, что наш Интернационал является единственным боевым органом международного пролетариата.

Эти события осветили и кое-какие другие моменты и доказали, что Коммунистический Интернационал действительно начинает становиться единой мировой коммунистической партией. Что это означает — мировая партия? Это вовсе не означает, как иногда, наверно, приписывают нам отдельные товарищи, что национальные компартии ликвидируются. Нет, это означает только то, что в такие моменты, когда история требует действительно международного действия, Коммунистический Интернационал это действие организует, как единая партия. Это значит, что Коммунистический Интернационал в такие минуты группирует свои партии и руководит своими силами так, как этого

требуют потребности международной борьбы. Мне не хочется употреблять слишком громких слов, и я поэтому не скажу, что та совместная борьба, которую провели в месяцы рурского кризиса германская и французская коммунистические партии, доказала, что мы имеем мировую компартию. Но что доказано, так это то, что зародыш такой мировой компартии мы имеем безусловно. В важный исторический момент мы бросили на чашу весов вес нашей международной организации. Это факт.

Буржуазия нисколько не боится выступать, как единый класс. Это лучше всего доказала немецкая буржуазия в связи с рурским кризисом. Я напоминаю вам недавние события и пресловутый манифест представителей германской буржуазии, апеллирующий к «славным» традициям Тьера, — манифест, обращенный к французской буржуазии с просьбой притти на помощь своим немецким собратьям присылкой войск, как это в свое время сделал версальский палач Тьер. Да, товарищи, если буржуазия апеллирует к традициям Тьера, то нам, в свою очередь, совсем не грех вспомнить лучшие традиции I Интернационала. На предстоящем этапе нам нужно все больше и больше концентрировать наши силы и выступать именно, как единая мировая компартия.

ТАКТИКА ЕДИНОГО ФРОНТА.

Перейдем теперь к вопросу о тактике единого фронта. Я думаю, что в общем мы уже преодолели те препятствия и трудности, которые стояли на пути проведения этой тактики. Когда смотришь, например, как теперь развивается французское рабочее движение, когда видишь, что не только наши друзья-коммунисты,

но и революционные синдикалисты ревностно и усердно проводят тактику единого фронта, то получаешь истинное удовлетворение. Те самые товарищи, которые всего несколько месяцев тому назад посылали к чорту всю тактику единого фронта, теперь научились великолепно применять ее.

Я думаю, в этой области остается только один принципиальный вопрос, требующий освещения. Это вопрос, который часто формулируется некоторыми нашими друзьями следующим образом. Обыкновенно задают вопрос, что такое единый фронт? Есть ли это только стратегический маневр, или единый фронт есть выражение действительно искреннего желания объединения с социал-демократическими рабочими? Сама эта постановка вопроса, по моему мнению, неправильна. Но чтобы устранить последние препятствия с пути этой тактики, настоящая сессия расширенного Исполкома должна подробно разобраться в этом вопросе. Что же, в самом деле, такое тактика единого фронта? Является ли она только тактическим маневром или она выражает искреннее стремление к объединению с социал-демократическими рабочими? На этот вопрос мы отвечаем, в свою очередь, следующим вопросом. Я спрашиваю вас, товарищи: в самые первые годы деятельности Коминтерна, в 1919 — 20 году, был ли кто-либо среди нас, кто не стремился бы самым искренним образом к сближению и даже братанию с социал-демократическими рабочими? Я думаю, что таких людей среди нас не было. С первого же дня существования Коммунистического Интернационала все мы целиком стояли за сближение с социал-демократическими и беспартийными рабочими.

Теперь я спрашиваю далее: ну, а тактику единого фронта проводили ли мы в 1919 и 20-м годах? Нет,

не проводили. Таким образом, если вы возьмете первый период существования Коминтерна, примерно до 2-го конгресса включительно, то, вы видите, положение было такое: сближение и братание с социал-демократическими рабочими — да; тактики единого фронта — нет.

Что же все это доказывает? Это доказывает, что вопрос этот стоит совсем иначе. Вопрос не в том, стремимся ли мы искренно к сближению с социал-демократическими рабочими. К этому мы стремились всегда, этого мы желаем и теперь и всегда будем желать по той простой причине, что мы желаем и будем желать объединения, консолидации всего рабочего класса, ибо это есть единственно серьезная предпосылка нашей действительной победы.

Ну, а в чем состоит тактика единого фронта? В чем заключается то новое, что мы начали подготовлять, примерно с 1921 года, что мы сформулировали в 1922 году и что мы на всех парах проводим теперь — в 1923 году? Что прибавилось нового? А прибавилось именно то, что мы и называем стратегическим маневром. Здесь следует прежде всего остановиться на проблеме: массы и вожди. Что касается социал-демократических и синдикалистских рабочих масс, как и масс беспартийных рабочих, то мы всегда, с первого же дня существования Коммунистического Интернационала, повторяем, были за сближение и братание с этими массами для борьбы против буржуазии. Но что касается вождей социал-демократических партий, то мы, действительно, в этой области совершили поворот, — поворот, который целиком вытекал из всего соотношения сил. В чем же дело?

Коротко говоря, дело заключается в следующем. До второго конгресса включительно все мы были

полны надежды на то, что пролетарская революция пойдет гораздо быстрее, что распад буржуазного общества, вызванный войной, будет гораздо сильнее, что революционное настроение масс, их нетерпение, их гнев дадут нам возможность через головы социал-демократических вождей уже сейчас апеллировать к массам, привлечь их на нашу сторону и повести борьбу против буржуазии. Такова была наша надежда. Этим определялась и линия Коммунистического Интернационала до 2-го конгресса. Это было не просто наше доброе пожелание. Надежда наша покоилась на многих фактах тогдашнего времени.

Однако, дело пошло по-иному. Со времени III конгресса в наших рядах начало складываться другое убеждение. Мы увидели, что дело не пойдет так быстро. Гнев масс был велик, но настроение все же стало падать. Оказалось, что буржуазия еще крепко сидит в седле; оказалось, что социал-демократия опирается еще на большие силы, чем мы могли думать. Словом, оказалось, что мировая революция развивается много медленнее, чем мы надеялись. И в виду всего этого, нам пришлось отказаться и от надежды перетянуть на свою сторону социал-демократические рабочие массы через головы их вождей. Мы сказали себе: одно остается по-старому, — мы должны во что бы то ни стало добиться теснейшей связи с соц.-дем. рабочими, но средства для достижения этой цели мы должны изменить. Через голову вождей нам не удастся сейчас привлечь социал-демократические массы. Нам нужно поэтому попытаться разоблачить этих вождей в глазах широких масс. Нам придется бороться против этих вождей постепенно, быть может, годами, и тогда мы достигнем того, что большая часть социал-демократических рабочих, наконец, увидит, что

представляют собой эти с.-д. вожди. Иначе ничего не поделаешь. И тогда родилась новая тактика единого фронта.

В чем же заключается стратегический маневр? Он заключается в том, что мы неоднократно обращаемся к людям, относительно которых мы заведомо знаем, что они не хотят и не могут итти с нами. Мы обращаемся к социал-демократическим центральным комитетам. И мы должны это делать. И, вместе с тем, мы твердо знаем, что эти социал-демократические генеральные штабы не хотят итти с рабочим классом в борьбе с буржуазией и не пойдут с нами. Если в этом кто-либо еще мог в какой бы то ни было степени сомневаться, то теперь, после Гамбурга, это доказано с полной наглядностью. Итак, говоря коротко, стратегический маневр заключается в том, что мы обращаемся к политическим штабам социал-демократии, хотя мы отлично знаем, что эти штабы на деле преследуют совершенно другие цели и не хотят бороться вместе с нами. Так стоит вопрос. Поэтому я и говорю, самая постановка вопроса — что такое тактика единого фронта: стратегический маневр или искреннее желание объединиться с социал-демократическими рабочими — неправильна и дубовата. Мы хотели и хотим объединиться с каждым социал-демократическим рабочим в борьбе против буржуазии. Но, чтобы этого достичь, мы, в виду того соотношения сил, какое сложилось, примерно с 1921 года, должны обращаться и к социал-демократическим центральным комитетам; мы должны адресоваться и к социал-демократическим вождям, хотя мы прекрасно знаем, что эти люди не хотят борьбы против буржуазии. В этом и заключается стратегический маневр, в тесном смысле слова.

И вот, я спрашиваю вас, является ли подобного рода стратегический маневр законным средством в борьбе, допустим ли он, морален ли он? Ни один серьезный коммунист не скажет, что тут есть что-либо недопустимое. Ведь это не что иное, как одно из средств организации рабочего класса. Наш класс количественно достаточно силен, чтобы победить в борьбе, и только потому, что социал-демократическое влияние еще так сильно в пролетариате, рабочий класс до сих пор еще не победил. На это некоторые товарищи замечают нам: хорошо, пусть так, но зачем же нам об этом громко говорить и тем самым облегчать социал-демократическим вождям их борьбу против нас? Товарищи, я безусловно признаю любую военную хитрость в борьбе против непримиримого врага, но только такую военную хитрость, которая не деморализует нашу собственную армию. Возьмите пример французской коммунистической партии. Вы сами помните, какая неслыханная путаница как раз в вопросе о едином фронте господствовала еще недавно в рядах французской компартии. Можно ли было в самом деле изжить этот кризис во французской партии? Можно ли было поставить политически на ноги эту партию и показать ей правильную дорогу? Если бы мы боялись сказать не только вождям этой партии, но и всем французским рабочим, в том числе и синдикалистам: дело идет о том, чтобы завоевать социал-демократических рабочих, и для того, чтобы разоблачить перед ними их социал-предательских вождей, которые на деле являются сторонниками буржуазии, а не рабочего класса, мы и обращаемся ко всем этим Реноделям и Жуо, — если бы мы оставили тут что-либо недоговоренное, если бы не объяснили французским товарищам все стратегическое значение

тактики единого фронта, мы никогда бы не могли завоевать на сторону тактики единого фронта ни французских коммунистов, ни, тем более, французских синдикалистов. Это относится не только к Франции, а ко всем тем рабочим, которые идут с нами. Мы вообще не можем сделать ни единого шага без того, чтобы социал-демократические вожди не пытались оклеветать и оболгать нас, извратить действительный смысл этого нашего шага. Уже по одному этому мы не должны бояться сказать прямо о наших стратегических маневрах. Тому сознательному меньшинству, которое группируется вокруг нас, мы должны осветить его дорогу полностью, иначе мы никогда не завоюем большинства.

И еще одно. Не следует забывать об опасностях, связанных с тактикой единого фронта. Мы говорили о них уже в первых наших тезисах в 1921 году. Я считаю, что чем больший успех мы будем иметь на пути осуществления тактики единого фронта, чем глубже мы станем теперь проникать в социал-демократические массы, тем бо́льшими становятся эти опасности. Это, конечно, не отпугнет нас. Смело вперед, в самые широкие массы! Бояться нам нечего. Наши партии кое-чему уже научились в этой области, но все же об опасностях не забывайте.

В статье, озаглавленной «Внимание к теории», тов. Троцкий не так давно написал следующие строки: «Проводимая ныне Коминтерном тактика единого фронта и борьбы за переходные требования является необходимой политикой для коммунистических партий буржуазных государств в нынешний подготовительный период. Но нельзя закрывать глаза на то, что эта политика таит в себе в то же время несомненные опасности измельчания и даже полного перерождения

коммунистических партий, если, с одной стороны, подготовительный период слишком растянется и если, с другой стороны, повседневная работа западных партий не будет оплодотворяться активной теоретической мыслью, охватывающей динамику основных исторических сил в полном объеме».

Это совершенно правильно. Я подписываюсь под каждым словом этого заявления. Опасности, связанные с тактикой единого фронта, действительно велики, и они будут становиться тем бо́льшими, чем успешнее будет наше продвижение.

Частенько нам говорят: зачем так много разговоров относительно стратегических маневров? К чему выбалтывать наши секреты противникам? Почему бы нам не обойти социал-демократических вождей, не выдавая наши секреты? Товарищи, говорящие так, не отдают себе ясного отчета в обстановке. Еще раз, не забывайте эти опасности, с которыми связана тактика единого фронта. Сама по себе эта тактика несомненно верна. Она определяет собой целую эпоху. Но опасности измельчания и даже вырождения наших партий безусловно остаются. Это мы сказали в 1921 году, это приходится повторять и теперь.

Психологически можно понять, почему те наши товарищи, на которых ложится главная тяжесть практической борьбы с социал-демократами и которые встречаются с с.-д. вождями в текущей повседневной работе, имеют склонность несколько затушевывать стратегический и маневренный характер нашей нынешней тактики и полагают, что лучше об этой стороне дела помолчать. Я открою вам, товарищи, один маленький секрет. Иные наши добрые друзья даже из германской компартии подозревают меня, грешного, в том, что я так много говорю о стратегической стороне дела

только потому, что я, в сущности говоря, являюсь скрытым противником тактики единого фронта. Это, конечно, смешно. Я целиком поддерживаю эту тактику. Напомню вам мои тезисы, написанные почти два года тому назад. Да, и у меня в свое время были некоторые колебания. В 1921 году не все еще было ясно. Переходный период от 2-го к 3-му и от 3-го к 4-му конгрессам был нелегким. Мы все вначале были полны надежд, что нам удастся тут же победить буржуазию и завоевать на свою сторону социал-демократических рабочих через голову их вождей. Да, переход был труден. Приходилось бороться с самим собою. Но уже со времени третьего конгресса вопрос был решен. И теперь никаких колебаний в вопросе о целесообразности тактики единого фронта быть не может.

Однако, мы должны ясно сознавать, что если мы сейчас обращаемся к Шейдеманам или Ренođелям, то не потому, чтобы у нас была хотя бы искра доверия к этим людям, а просто для того, чтобы выполнить задачу авангарда рабочего класса по отношению к его арьергарду: объяснить на живом примере отсталым рабочим, что такое представляют собой Шейдеманы и Ренодели. Эти последние имеют еще за собою значительные рабочие массы, и в этом главный вопрос эпохи. Еще раз взгляните на Гамбург. В самом деле, когда подумаешь о том, что там произошло, то только спрашиваешь себя: как это могло случиться, что за грязной бандой этих дельцов все еще идут значительные массы. Очень тяжело об этом думать, но все же это факт. Вот почему вопрос о влиянии этих социал-патриотических вождей есть не какая либо мелочь, а основная проблема. Когда мы говорим о стратегическом маневре, пусть товарищи не пони-

мают этого в мелочном, меркантильном смысле слова. Это маневр не «в грязно-жидовском» смысле слова, как выразился некогда Маркс. Дело идет о широко задуманном политическом маневре, совершаемом авангардом мирового пролетариата. И в этом нет ничего недопустимого, ничего искусственного и ничего мелочного.

Наши товарищи-практики, которым приходится сталкиваться с господами социал-демократами на каждом шагу, должны совершенно спокойно относиться к тому, что эти господа социал-демократы в ответ на предложение единого фронта приводят цитаты из речей товарища Ленина или других наших вождей с указанием на то, что для нас в тактике единого фронта содержатся элементы фактического маневрирования. Ответ на эти цитаты очень прост. Скажите им, т.-е. этим господам социал-демократам, что в конце концов дело зависит от них. Достаточно им действительно согласиться на предложение единого фронта, и уже этим самым наш маневр будет уничтожен. Идемте с нами, осуществимте единый фронт, и тогда не придется говорить о маневрах.

Но ни в коем случае мы не можем отказаться от того, чтобы своим собственным товарищам не указывать на опасности, связанные с нынешней тактикой. Повторяю, никогда бы мы не завоевали на свою сторону революционных синдикалистов Франции, если бы мы не объяснили весь наш маршрут от первой до последней буквы. А теперь мы их завоевали. И это — громадный успех, имеющий историческое значение. Лучшие элементы французских синдикалистов теперь работают бок-о-бок с нами, проводя тактику единого фронта. Это делают те самые товарищи, которые совсем еще недавно видели в тактике единого фронта

проявление самого беспринципного парламентаризма и дипломатии. А теперь они убедились, что это не мелкая дипломатия, а стратегия авангарда мирового пролетариата. И когда они это увидели, тогда наиболее серьезные элементы рабочих синдикалистов сказали себе: почему же нет, пойдемте с коммунистами. В такой войне против буржуазии и ее агентов, какую приходится нам вести, стратегия абсолютно необходима.

Таким образом, вы видите, что этот вопрос стоит в тесной связи с проблемой — массы и вожди. Понять это — значит устранить последние препятствия на пути к успешному проведению нашей тактики.

Уже во время IV конгресса мы предвидели и предсказывали, что наш Профинтерн будет иметь значительные успехи. Это предсказание оправдалось. Каждый видит теперь, что Профинтерн действительно идет от успеха к успеху. А вспомните, товарищи, еще совсем недавно, всего с год тому назад, в рядах даже хороших германских товарищей замечалось течение, которое считало, что Профинтерн рожден преждевременно, что образование своей собственной международной профессиональной организации было ошибкой и что Профинтерн, пожалуй, надо ликвидировать. Прошло немного времени, и каждый видит, что Профинтерн становится главной крепостью коммунизма. Недавно состоявшаяся международная конференция транспортников, без сомнения, является большим успехом. Мы пробили брешь в Амстердамском Интернационале. В нашей статье «Новое в международном рабочем движении» мы подробно изложили, как мы понимаем дело. Последние успехи Профинтерна объясняются тем, что социал-демокра-

тические массы, которые формально еще принадлежат старой с.-д. партии, на деле душою с нами. Этим с.-д. рабочим не хватает еще решимости, отваги, той революционной энергии, которая зачастую бывает связана с отчаянием, характерным для критической революционной ситуации. Они все еще выжидают и колеблются. Они все еще верят, что, может быть, удастся чего-либо достичь старыми, избитыми социал-демократическими путями. Но они душою уже больше с нами, и с каждым днем они будут все более убеждаться в нашей правоте.

Я думаю, что все мы довольно скоро доживем до того времени, когда, на основе событий внутри международного пролетарского движения, можно будет иллюстрировать философское положение марксизма о переходе количества в качество. Это время близится. Никто не предскажет, сколько месяцев или лет еще потребуется для этого. Но все же не так далек момент, когда происходящее ныне брожение внутри социал-демократии приведет к совершенно новым и крайне важным событиям. Мы доживем до того, когда внезапно, в один прекрасный день, большой кусок социал-демократической партии отпадет от нее, когда большие профессиональные союзы станут переходить на нашу сторону. Нынешние события подготовляют это. И в свое время эти успехи придут к нам сравнительно легко, как зрелый фрукт падает на землю. Тактика единого фронта, без сомнения, правильна. Мы должны практиковать ее и дальше. В некоторых странах она дала уже серьезные результаты. Чем безнадежнее становится сейчас позиция социал-демократии, чем больше колебаний в ее рядах, тем настоятельнее, систематичнее, энергичнее будем мы проводить нашу тактику.

Мы уже дожили до того, что в исполкоме амстердамцев подробно обсуждают вопрос о том, следует ли сейчас исключить Фиммена, или нет. Мы видим, что различные группы амстердамцев должны были объединиться на ничего неговорящей резолюции, не посмевшей резко и определенно осудить и отвергнуть берлинское решение международного совещания транспортников. Все это доказывает, что распад 2-го и Амстердамского Интернационалов вступает в решающую фазу. Отсюда, повторяем, вывод: тем решительнее, тем последовательнее будем мы проводить тактику единого фронта.

ПОЛОЖЕНИЕ В СЕКЦИЯХ К. И.

Позвольте мне теперь перейти к вопросу о положении вещей в некоторых из наших важнейших секций. Я имею в виду, в первую очередь, те секции, которые были предметом особенно подробного и оживленного обмена мнений во время IV конгресса.

Французская компартия.

Я должен начать с Франции. Вы помните, как печально было положение французской партии во время IV конгресса: распатанная партия, разнородная делегация; злободневным являлся вопрос о франк-масонстве. Этот вопрос стоял тогда почти столь же остро, как теперь в некоторых скандинавских партиях вопрос о религиозной пропаганде, о чем я еще буду говорить. Положение было весьма плачевно. Вы помните, что решения IV конгресса были весьма суровы; это было очень болезненное лечение, предписанное IV конгрессом Коминтерна нашей братской французской партии.

Я как-то, шутя, во французской комиссии заметил, что каждая из операций, которую мы предложили нашей французской партии во время IV конгресса, является с хирургической точки зрения абсолютно необходимой. Но эти операции были столь многочисленны, что все вместе взятые они могли при неблагоприятных условиях стоить жизни больному. Но, к счастью, больной оказался гораздо более крепким, чем мы думали. Ядро партии было здоровое. Французское коммунистическое рабочее движение было гораздо более здоровым, чем можно было думать, если бы стали судить по колебаниям и настроениям тогдашнего его «вождя», г-на Фроссара, — и крепкий организм французского коммунистического рабочего движения, в общем, прекрасно перенес все эти операции. Вот доказательства, что коммунистическая «хирургия» является прекраснейшим средством, конечно, при благоприятных обстоятельствах.

Французская партия быстро, быстрее, чем мы могли надеяться, преодолела кризис. Кризис ныне в общем изжит. «Гениальный» стратег Фроссар очень много нам в этом помог. Некоторые из нас делали ему комплимент, будто он очень тонкий дипломат. Но это был незаслуженный комплимент. Этот господин показал себя и с этой стороны почти таким же «умелым», как Пауль Леви, т.-е. он сделал все возможное, чтобы как можно скорее разоблачить себя и как можно скорее освободить французскую партию от своего влияния.

Чего теперь не хватает нашей французской партии, — и это мы должны ясно сказать, — это достаточной политической активности и боеспособности. Партия перенесла тяжелую болезнь. Она теперь начала увеличивать число своих членов, она кое-что успела

в области печати, но ей не хватает политической инициативы, энергии и чутья к политическим кампаниям. Мы, коммунисты, очень нетерпеливы. Нам некогда ждать, и наши французские товарищи должны в этом отношении поторапливаться и наверстать упущенное.

Я хочу сказать еще несколько слов о некоторых детских болезнях французской партии, о так называемом «рабочем империализме». Я не знаю, является ли для вас новостью, что один из наших лучших друзей во Франции открыл существование «рабочего империализма». Когда наш друг Бухарин в своем докладе на IV конгрессе употребил некоторые «наступательные» обороты, то вся международная социал-патриотическая пресса начала энергичную, яростную кампанию против «красного империалиста» Бухарина. И тут обнаружились две вещи. Некоторые из наших товарищей отмалчивались по поводу этой кампании. Но во Франции мы наблюдали другую крайность, а именно — в лице товарища Трэна. В ответ на демагогию социал-патриотов, тов. Трэн заявил: — почему же нет, мы стоим не только за наступательную тактику Бухарина, но даже и за «рабочий империализм». Конечно, это «открытие» граничит с болезнью левизны. В своей полемике с тов.Увариным тов. Трэн говорит:

«Слова Суварина нисколько не доказывают, что марксисту, как таковому, нельзя говорить о рабочем империализме, для того, чтобы выразить волю пролетариата господствовать над буржуазией, пока еще не осуществлено коммунистическое общество без классов и государства».

Как видите, все открытие товарища Трэна заключается в том, что пока мы не победили международной буржуазии, вполне законно применение силы по отношению к ней. Но вы, конечно, знаете не хуже

моего, товарищи, что для выражения этой мысли уже давно изобретен другой термин, а именно: диктатура пролетариата. Зачем же, в самом деле, понадобился тов. Трэну «рабочий империализм»? Если бы дело шло только о стилистической неловкости, о терминологическом преувеличении, то это было бы с пол-беды. Кому из нас не случалось в этом отношении согрешить? Но тов. Трэн, к сожалению, настаивал на этом термине, доказывая, что дело идет о теоретическом вопросе. С совершенно серьезным видом тов. Трэн пытался убедить нас в том, что лучшие традиции гедизма, марксизма, большевизма, коммунизма требуют именно «рабочего империализма».

Вы легко можете себе представить, товарищи, что этого инцидента с рабочим империализмом для французской буржуазной прессы хватило на несколько месяцев. Сам того не желая, тов. Трэн облегчил нашим политическим противникам борьбу против нас. Я надеюсь, что теперь, когда тов. Трэн освобожден из тюрьмы и может дышать свежим воздухом, он откажется от этой неверной постановки вопроса. Нет и не может быть никакого рабочего империализма. За что мы боремся, так это за диктатуру пролетариата. Зачем же станем мы прибегать к этому ненавистному, пахнущему кровью слову «империализм», которое является законным достоянием буржуазии?

Что касается практического проведения тактики единого фронта во Франции, то в этой области внутри партии замечаются некоторые нюансы, очень напоминающие тот спор о тактическом маневре или искреннем желании сближения с с.-д. рабочими, о котором я говорил выше.

Как ни странно, тот самый тов. Трэн, которому принадлежит честь открытия рабочего империализма,

в то же время делает и другую ошибку. Он считает, что если мы делаем французским социал-демократам предложение единого фронта, то мы не можем в то же время резко против них полемизировать. В рядах французских товарищей вопрос был поставлен несколько элементарно: совместима ли тактика единого фронта с невежливой полемикой по адресу социал-патриотов. Я не знаю, кроется ли за этим несколько элементарным спором нечто более серьезное, или эти расхождения действительно имеют только десятистепенный характер?

Но в общем, мы имеем все основания горячо приветствовать успехи нашей братской партии во Франции. Слишком велики были трудности, которые пришлось преодолеть французской компартии. Не забывайте, что многие из признанных прежних вождей внезапно перебежали на сторону врагов. Не забывайте, что и общее положение во Франции не особенно благоприятствует коммунистам. Через одну дверь из партии уходили Фроссар и К⁰, и в то же время через другую дверь в партию приходили лучшие представители революционных синдикалистов с тов. Монаттом во главе. Здесь дело идет не об отдельных лицах, а о чем то гораздо более важном. Мы твердо надеемся, что этот начавшийся здоровый процесс будет продолжаться и дальше и что в кратчайший срок мы будем иметь во Франции большую, действительно боеспособную коммунистическую партию.

Германская компартия.

Несколько слов о нашей германской партии.

Вы знаете из печати, что недавно в Москве состоялась важная конференция германских коммунистов

с Исполкомом Коминтерна, которая приняла в высшей степени важные решения, ныне уже одобренные советом германской коммунистической партии. Те товарищи, которые сомневаются еще насчет того, нужна ли нам единая централизованная, мировая коммунистическая партия, могли бы на одном германском примере понять свою ошибку. Германская коммунистическая партия есть массовая партия, которая объединяет сейчас больше, чем четверть миллиона членов. Это — партия, которая растет с каждым днем, которая становится первоклассным политическим фактором не только в Германии, но и во всей Европе. Это — партия, которая основана такими борцами, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Это — партия, которая имеет героические традиции, которыми она может гордиться перед всем Интернационалом. И эта партия, тем не менее, нисколько не считает для себя позорным в момент, когда ей приходися решать трудные вопросы, когда возникают в ее рядах тяжелые конфликты, посылать своих представителей к Исполкому Коминтерна и просить этот последний вынести решения.

Мы спрашиваем, хорошо ли это или плохо, что мы имеем теперь такую международную пролетарскую организацию, которая может разрешать подобные конфликты? Германская партия находится под огнем неприятеля в буквальном смысле слова. Ее позиция при нынешнем крайне напряженном положении в Германии в высокой степени ответственна. Она не может, она не имеет права годами или даже только месяцами заниматься разрешением внутренних конфликтов. И что-же, разве это плохо, что мы имеем Коммунистический Интернационал, который помог германской партии разрешить в течение трех дней тяжелые вопросы, которые при иных обстоятельствах занимали бы пар-

тию, может быть, в течение трех лет? Разве это плохо, что каждый рабочий-коммунист в Германия с полной уверенностью говорит себе: раз решения приняты в Москве Исполкомом Коммунистического Интернационала, то они получают опыт всего коммунистического пролетариата мира, и, стало быть, они верны, и я добровольно подчиняюсь им? (Аплодисменты.) Я считаю, что уже один этот пример, который, ведь, я не из пальца высосал, а заимствовал из действительной практики нашей борьбы, показывает. как необходима нам такая единая мировая пролетарская организация; он учит нас, насколько серьезен вопрос о создании централизованной международной организации пролетариата.

Я не буду входить в тактические разногласия, занимавшие германскую коммунистическую партию, по существу: они вам, вероятно, знакомы. Это — трудная проблема, связанная с переходным периодом. Все мы, вместе взятые, переживаем переходный период, а то, что происходит в Германии, есть переходный период в переходном периоде. Каждая неделя создает в Германии новые ситуации, одна другой сложнее, одна другой опаснее. При таком положении вещей нет ничего удивительного в том, что некоторые конфликты ставятся очень остро, и партии необходимо их разрешать в кратчайший срок. Вот и сейчас близится, повидимому, ликвидация рурского конфликта. Германская буржуазия готовится капитулировать. И вполне возможно, что, в связи с этим, в Германии произойдут события, очнь похожие на вчерашний переворот в Болгарии. Возможно и другое: что положение обострится и приведет к революционному кризису. И в том и в другом случае ответственность нашей партии будет колоссальная.

Итальянская компартия.

Я перехожу теперь к Италии. Я должен вам сказать заранее, что здесь мой ответ будет довольно пессимистичным. Мне приходится рассказать вам печальную повесть, связанную с трагической судьбой современного итальянского рабочего движения. Вы помните, товарищи, как вопрос стоял во время IV конгресса. Мы уже тогда имели резкий конфликт с ЦК итальянской компартии, во главе которого стоял наш друг, товарищ Бордига. Мне не легко полемизировать против тов. Бордига и его ближайших единомышленников в момент, когда сам он и ряд его друзей находятся в тюрьме. Мне это тем более не легко, что, как вам всем известно, итальянские коммунисты выполнили свой долг революционеров и остаются на позиции в тяжелые минуты. Но, тем не менее, эта критика необходима, дабы тяжелый итальянский урок не пропал даром.

Как обстоит дело? Уже во время IV конгресса Исполкому Коминтерна было ясно, что наш главный противник в Италии называется Муссолини. Центральный же Комитет Коммунистической Партии Италии, возглавляемый тов. Бордига, стоял на другой точке зрения. Итальянская делегация утверждала, что главный враг называется не Муссолини, а попрежнему Серрати. Товарищи не захотели понять, что ситуация в Италии, вообще, и в итальянском рабочем движении, в частности, радикально изменилась. Они помнили, что Серрати был врагом, что он долгое время был центристом, что он в 20-м году проиграл итальянскую революцию и стал противником Коммунистического Интернационала. И этого для них было достаточно.

Тщетно мы напоминали им, что теперь наступает другой период, что ситуация радикально изменилась, и изменился также сам Серрати. Тщетно мы напоминали им, что перемена позиции Серрати есть выражение целой эволюции, пройденной итальянским рабочим движением. Мы говорили: теперь необходимо быстро перегруппировать силы, в кратчайший срок провести объединение коммунистической партии с лучшими элементами социалистической партии и после этого выстроиться в единую линию для борьбы против фашизма, против Муссолини. Ответ был один: главным врагом остается Серрати. Мы будем продолжать свою старую борьбу с итальянской социалистической партией. Конечно, — говорили нам друзья-товарищи Бордига, — если вы нас принудите объединиться с итальянскими социалистами, мы из дисциплины не будем выступать против этого объединения, но сами мы решительно против такого объединения. Товарищи, все мы, здесь сидящие, революционеры, а не чиновники, мы прекрасно знаем, что означает объединение двух враждовавших раньше партий: для этого необходимо искреннее желание. Только из «дисциплины», без души, такое объединение провести невозможно; чтобы успешно завершить такое дело, нужны сознание его полезности и воля. Вот почему уже с самого начала было ясно, какие громадные трудности мы встретим на нашем пути; тем не менее, Коммунистический Интернационал постановил, что объединение провести необходимо. И, быстро перегруппировав силы, мы должны были начать объединенную борьбу против фашизма.

Как же развивались события после этого? Это было такое время, когда не только месяцы, но и недели имели значение. Наши товарищи, итальянские ком-

мунисты, теряли не только драгоценные недели, но и месяцы. Они, в сущности говоря, ничего не делали для того, чтобы провести принятые решения; из-за их саботажа мы потеряли несколько месяцев. В действительности, все было сделано для того, чтобы решения IV конгресса не провести в жизнь. Еще раз повторяю: итальянские коммунисты, если взять субъективную сторону дела, чрезвычайно ценные и прекрасные товарищи. В смысле личной преданности делу они, несомненно, одна из лучших групп Коммунистического Интернационала. Они — решительные люди, они не боятся жертв; но теоретически у них возобладала «школа», которая с самого начала делала большие политические ошибки и продолжает их делать и теперь на каждом шагу. В этом мы, к сожалению, убедились слишком наглядно, и надо прямо сказать, что если дело так пойдет и дальше, то наши друзья, итальянские коммунисты, несмотря на всю готовность к самопожертвованию, несмотря на всю их энергию, собственными руками загубят свою партию.

Как развивались события? В тот самый момент, когда непримиримая часть итальянских коммунистов саботировала объединение с итальянскими максималистами, правое крыло этих последних делало то же самое. Серрати был ввергнут в тюрьму. Началась волна белого террора. Наступил период, когда рядовые рабочие должны были говорить себе: если я выскажусь за объединение с коммунистами, то это значит, что завтра меня арестуют или даже прямо расстреляют. И все это, вместе взятое, привело к тому, что в лагере максималистов искренние сторонники Коминтерна потерпели поражение. «Аванти» находится сейчас в руках противников Коммунистического Интернацио-

нала. На последнем съезде итальянских социалистов сторонники Коминтерна собрали, правда, 43 проц. голосов, и влияние этих сторонников Коминтерна теперь несомненно растет с каждым днем. При таком положении вещей мы спрашиваем себя: что же делать дальше? Вопрос этот будет подробно рассмотрен в специальной комиссии. Я могу пока высказать только свое собственное мнение. Я полагаю, что нам, прежде всего, необходимы серьезные гарантии организационного порядка, которые обеспечили бы нам то, что итальянская коммунистическая партия будет не только формально, но и по существу, на деле, проводить решения Коминтерна в вопросе об объединении с итальянскими социалистами. Когда выяснилось, что противники Коминтерна в лагере максималистов имеют в данный момент большинство, нам пришлось сделать шаг назад. Мы не могли уже требовать немедленного объединения. Мы должны были ограничиться предложением единого фронта, образования общего комитета действий и т. п. Но как раз в этот именно момент наши непримиримые итальянские коммунисты заявили: нет, мы требуем немедленного проведения решений IV конгресса об объединении. Другими словами, в данный момент, когда объединение стало невозможным, итальянские коммунисты выступили самыми горячими энтузиастами дела объединения. Это, конечно, несерьезно. Нам теперь необходимо во что бы то ни стало создать такой ЦК итальянской коммунистической партии, который гарантировал бы нам действительное проведение в жизнь решений Коминтерна.

Второй, более трудный, вопрос состоит в том, каково должно быть наше отношение к теперешней социалистической партии Италии. Итальянские коммунисты упрекали меня лично в том, что вот уже два

месяца прошло со времени последнего съезда итальянских максималистов, где победили Ненни и Велла, а Коминтерн до сих пор молчит. Что означает это молчание? — спрашивали нас. Я должен сказать, товарищи, что мы молчали намеренно: мы хотели выждать нынешнего заседания расширенного Исполкома; вопрос трудный. Что касается политических качеств отдельных вождей нынешнего большинства социалистической партии Италии, то вопрос ясен, — это большею частью принципиальные противники Коминтерна, это — центристы или полуцентристы. Однако, это не решает вопроса. Вопрос заключается в том, должны ли мы рассматривать, как окончательный результат, последний съезд максималистов, на котором, в силу белого террора, всего-то было представлено около 7.000 членов. Я держусь того мнения, что это ни в коем случае не есть последнее слово итальянской социалистической партии. Это не больше, как эпизод в долгой и тяжелой борьбе. Это — результат, с одной стороны, тех больших политических ошибок, которые сделали наши товарищи-коммунисты, с другой стороны, террора Муссолини и временного упадка настроения среди рабочих-социалистов. Мы не должны забывать, что, кроме Ненни и Велла, существуют еще десятки тысяч рабочих-социалистов, которые душою за нас. Обратите внимание на «Аванти». Я ни в коем случае не могу поверить, что те десятки и сотни рабочих групп, которые теперь по грошам собирают деньги для издания «Аванти», делают это ради прекрасных глаз Ненни. Нет, они привыкли к своей газете и к своей партии, они уверены, что они не находятся ни в каком конфликте с Коминтерном.

У нас нет никаких оснований слишком доверчиво относиться к Ненни, но у нас есть все основания

относиться с доверием и уважением к итальянским рабочим, членам И. С. П. И вот почему мы не можем рассматривать исход недавнего съезда максималистов, как последнее слово. Повторяем, это не что иное, как эпизод. Все, что нам нужно, это запастись терпением и настойчиво работать над проведением линии IV конгресса. То, чего мы раньше могли достигнуть в течение 2-х месяцев, если бы наши итальянские друзья не делали ошибок, теперь будет достигнуто, быть может, в течение 2-х лет. На основании всего вышесказанного, мне кажется уместным предложить теперь, чтобы итальянская социалистическая партия такая, как она есть, была допущена в Коминтерн, как симпатизирующая партия. Я знаю, что у иных из наших особенно нетерпеливых итальянских коммунистов, слушающих мои слова, при этом становятся волосы дыбом. Но все же то, что я предлагаю, необходимо. Ведь, сами Ненни и Велла на их последнем съезде провели резолюцию в том смысле, что они принципиально за III Интернационал и желают только сохранить старое имя социалистической партии. Они не хотят чрезмерного централизма, они требуют большей автономии в «своих» делах и т. д. Мы прекрасно знаем, что на самом деле эти заявления не выражают мнения нынешних центристских вождей И. С. П. Эти центристские вожди на деле являются определенными противниками Коминтерна. Но они свои заявления делают поневоле, потому что они знают, что рабочие — за нас... Предложение вступить в Коминтерн, как симпатизирующая партия, заставит центристскую группу вождей показать свое настоящее лицо. Если они откажутся — это их дело, если же они примут наше предложение, то, разумеется, это будет связано с другим предложением: немедленно же

создать единый фронт с итальянскими коммунистами при моральном содействии Коминтерна.

Практические шаги нынешнего центрального комитета И. С. П. не оставляют места для иллюзий. Собрав съезд в момент, когда белый террор разливался по Италии широкой волной и когда многие из лучших наших деятелей находились в тюрьме, эта группа полусоциалистических вождей воспользовалась своим ничтожным большинством на съезде, чтобы приступить к расправе со всеми сторонниками Коминтерна. Они начали с того, что исключили полностью Союз молодежи. Они не допустили в состав нового Ц. К. ни одного сторонника Коминтерна, хотя наших сторонников и было на съезде около 40 проц. Это довольно показательный пример того, как пользуются своим большинством, хотя бы в полтора голоса, те люди, которые любят кричать о демократизме, возражать против чрезмерного централизма и т. д. Тем не менее, мы делаем вышеуказанное предложение. Рабочие-социалисты безусловно будут за него. Мы будем спокойно выжидать результатов.

Северные компартии.

Исполком и Норвежская К. П.

Позвольте теперь перейти к северным странам. Мы имеем в порядке дня еще специальный пункт о пределах централизма, и я не буду забегать вперед. Но о нашем споре с братской партией Норвегии я должен все же вам доложить. Вы помните, что на IV конгрессе норвежский вопрос сыграл довольно большую роль. Мы считали и считаем, что норвежская рабочая партия является одной из лучших пролетарских партий Коминтерна. Это — партия в своем

большинстве действительно рабочая по составу. Эта партия завоевала большинство рабочего класса своей страны, она одной из первых примкнула к Коминтерну. Норвежские рабочие имеют, таким образом, громадные заслуги перед Интернационалом. Уже по одному этому мы считали своим долгом сделать все возможное, чтобы разрешить возникший спор возможно более миролюбиво. Мы посылали в Норвегию целый ряд наших лучших товарищей. По поручению Исполкома Коминтерна, в Норвегию ездили товарищи: Бухарин, Радек, Коларов и др. Мы имели намерение делегировать туда также товарища Клару Цеткин, но помешала ее болезнь. Посылка целого ряда товарищей вытекала исключительно из нашего горячего желания как можно быстрее добиться соглашения с норвежскими товарищами. Тем не менее, это не удалось. Норвежские товарищи большинством двух или трех голосов приняли решение, которое на деле расходится с постановлениями IV конгресса. И что же, они, принципиальные противники централизма и горячие сторонники внутрипартийной демократии, немедленно же воспользовались этим ничтожным большинством в два голоса для того, чтобы предпринять целый ряд весьма решительных действий. На съезде в Христиании была принята весьма сбивчивая резолюция с сильно федералистским налетом и уступками полуреформистским, полусиндикалистским идеям.

Что же оставалось делать Исполкому? Мы обдумывали этот вопрос не раз. Я должен вам сказать один наш секрет. Я, лично, был за то, чтобы немедленно же выступить с публичной и достаточно резкой критикой решений, принятых в Христиании. Я составил даже проект письма по этому поводу. Но «правое крыло» нашего Исполкома, с товарищем

Бухариным во главе (смех), добилось того, что мой проект, который, правда, не был отклонен, отложен был на некоторое время и, так как до расширенного нашего Исполкома оставался только один месяц, я должен был согласиться с тем, что лучше подождать. Таким образом, я капитулировал перед «правым крылом» и сказал: хорошо, подождемте расширенного Исполкома. Говоря совершенно серьезно, товарищи, я должен сказать, что создавшееся положение невыносимо. Мы имеем, в сущности, первый случай, когда большая и серьезная пролетарская партия на деле не считается с решением всемирных наших конгрессов — того самого IV конгресса, на котором норвежская партия имела достаточно серьезное представительство. В Христиании была принята резолюция, в которой нет ни одной правильной, с точки зрения марксизма, точки. Я не преувеличиваю: действительно, каждая строка этой резолюции содержит, по меньшей мере, одну принципиальную ошибку. Норвежское большинство защищает такие элементы в партии, которые почти наверняка не останутся долго с рабочим классом. Я имею в виду знаменитую группу Mot Dag.

В этой группе, разумеется, есть честные и искренние товарищи, которые принадлежат к нам по убеждениям, но в этой группе есть и такие элементы, которые целиком напоминают героев германских «Socialistische Monatshefte»—не больше, но и не меньше. Это, несомненно, только попутчики. Вы сами читали статью профессора Буля в 3-м номере нашего «Бюллетеня». Каждый из вас скажет: это что угодно, но не коммунизм и не марксизм. Теперь пришел момент, когда мы должны по-товарищески объясниться с нашими норвежскими друзьями. Все вы знаете

письмо Исполкома, посвященное подготовке к настоящему расширенному заседанию. Мы говорили уже о пределах централизма и заявили прямо, что мы готовы пойти на известные практические уступки в этом вопросе. Мы отлично понимаем, что это очень деликатный и трудный вопрос. Когда кое-кто нас упрекает в том, будто бы мы просто-напросто хотим перенести механически организационную практику I Интернационала в III Интернационал, то это просто неправда, этого мы никогда не предлагали. Лучшие революционные традиции I Интернационала — да, их, разумеется, мы хотели бы перенести в III Интернационал. Но организационные формы повторить механически, конечно, невозможно. Это мы понимаем не хуже других. Мы считаем, что малейший практический шаг в области действительного осуществления централизма в нашей международной пролетарской организации важнее дюжины централистских программ и уставов. Это вне сомнения. Действительно централистскую международную организацию мы можем создать только в течение нескольких лет. И, разумеется, осуществить это можно только на пути добровольной дисциплины, возлагаемой на себя каждой из наших партий. Если бы на нынешнем нашем Исполкоме какая-либо серьезная группа коммунистов доказала нам, что мы в самом деле пересолили в области централизации, я был бы первым из тех, кто сказал бы: хорошо, давайте сделаем шаг назад, будемте действовать медленнее. Но пусть нам это докажут на деле. В рядах норвежской, а иногда и в рядах шведской партии вопрос часто становился так, как будто решение IV конгресса о создании единой международной коммунистической партии означает не больше и не меньше, как простое уничтожение национальных ком-

мунистических партий. Но, товарищи, ведь это явный вздор. Пусть нам скажут, в каких вопросах Исполком вмешивался в такой мере, что свобода действий какой бы то ни было партии оказалась стесненной. Если нам укажут хоть один такой случай, я заранее даю вам обещание, что мы открыто признаем свою ошибку и предложим пересмотреть решения IV конгресса. Но я утверждаю, что ни одного такого случая нам не укажут. Об этом смешно и говорить. На самом деле, мы слишком мало руководили практической работой наших секций. Все, что можно будет привести, это только мелочи, например, что тот или другой референт составил глупый доклад о той или другой стране. С этим я готов согласиться заранее, но неужели отсюда вытекает, что нам не нужно единой мировой компартии.

Единая мировая компартия.

Нет, товарищи, единая мировая компартия нам безусловно необходима, и за нее мы будем бороться годами, и ее мы будем осуществлять упорно, шаг за шагом. Я очень прошу норвежских и шведских товарищей, чтобы они точно и письменно формулировали те предложения, какие они имеют сделать на этот счет. Пусть скажут они нам ясно и точно, что именно предлагают они изменить, и пусть будет положен конец росказням о том, будто Коминтерн хочет уничтожить отдельные национальные компартии. Вместо того, чтобы пропагандировать великую идею единой мировой компартии, ее иногда пытаются дискредитировать. Я спрашиваю вас, товарищи: может ли быть для коммуниста более великая, более притягательная, я скажу больше, более прекрасная

идея, чем идея создания единой, действительно мировой компартии. Казалось бы, эта замечательная идея должна была обладать для каждого из нас большой притягательной силой. Почему эта идея не имеет этой притягательной силы для некоторых наших норвежских товарищей, мне совершенно непонятно.

Принцип выборов И. К. К. И.

Часть норвежских товарищей оспаривает принцип выборов Исполкома Коминтерна на конгрессе без делегирования отдельными партиями. Что касается практической стороны этого вопроса, то можно наверняка сказать, что состав Исполкома, избираемого на самом конгрессе, на 90 проц. всегда совпадает с тем Исполкомом, который составился бы в результате делегирования отдельными партиями. Но принципиально никто не докажет, что выбор нашего генерального штаба самим конгрессом недопустим. Я считаю, таким образом, что слово теперь должно принадлежать норвежским товарищам, присутствующим здесь. Они должны сказать нам ясно и открыто, каких изменений они хотят, и тогда выяснится, каков предел наших разногласий. Я повторяю еще раз, что мы полны уважения к норвежской партии и к норвежским рабочим, но мы считаем своим долгом сказать им открыто, когда, по нашему мнению, они совершают ошибку.

Взаимоотношения со шведской компартией.

Что касается нашей шведской партии, то разногласия с частью этой партии у нас, примерно, таковы же, как с норвежской партией. Дело там не дошло до

столь резкой полемики, но нет никакого сомнения, что в конце концов руководители шведской партии совершают те же самые ошибки, которые совершаются и в Норвегии. Что касается вопроса о централизме, то мне незачем говорить о нем еще раз, в связи со шведской партией.

Религиозный вопрос в Швеции.

Но есть один вопрос, на котором я должен остановиться специально в связи с докладом о нашей шведской секции; это, как ни странно, вопрос о религии. Не удивляйтесь, товарищи, в политике частенько бывает так: критика начинается с вопроса о чрезмерном централизме, об изменении каких-нибудь мелочей в уставе, а там, глядишь, оказывается, что дело дошло и до религии, до самого господа бога. Я не знаю, почему именно, но как раз теперь т. Хеглунд выступил со статьей под заглавием «Коммунизм и религия». Я должен вам сказать откровенно, что если бы я не знал тов. Хеглунда, как старого заслуженного революционера и марксиста, то мне бы осталось только предположить, что он смеется над коммунистической партией. Тов. Хеглунд с самым серьезным видом защищает тот тезис, что религия должна быть частным делом не только по отношению к государству, но и по отношению к коммунистической партии. Вопрос, о котором спорили немецкие марксисты с немецкими ревизионистами еще лет двадцать тому назад, для товарища Хеглунда является еще не разрешенным. Я бы прочитал вам с удовольствием всю статью тов. Хеглунда и советую вам, товарищи, всем прочитать эту статью, тогда вы сами увидите, о чем идет дело.

Религия должна являться частным делом для коммунистической партии! Но, ведь, это вопиющее противо-

речие с марксистской точкой зрения. В нашей российской коммунистической партии мы часто исключаем отдельных людей, даже таких, которые пять лет боролись на фронтах против белых, только за то, что они венчались в церкви. А образованный марксист, тов. Хеглунд, пишет такие странные статьи! Я не хочу этим сказать, что и другие партии должны исключать тех своих членов, которые еще неокончательно разделались с религиозными предрассудками. Положение российской партии, как правящей партии, окруженной врагами, как партии, действующей в осажденной крепости,—особое. Но провозгласить, что религия есть частное дело по отношению к партии, значит издеваться над традициями революционного марксизма. Я мог бы вам прочитать целый ряд цитат из Маркса, Энгельса, Ленина и других наших учителей, у которых находились бы только слова негодования и насмешки по адресу тех социал-демократов, которые пытались пропагандировать ту мысль, что религия является частным делом для партии. Я не стану пока приводить их цитат, но ведь это же азбука: от буржуазных правительств мы требуем, чтобы религия считалась частным делом по отношению к буржуазному государству; мы преследуем при этом политические цели: мы хотим лишить буржуазию возможности пользоваться против рабочего класса одним из средств угнетения, т.-е. религией. Но сами мы, как марксистская партия, стоящая на почве исторического материализма, разумеется, являемся атеистами. Мы не допустим какого-либо необдуманного похода против религии, но систематическую марксистскую антирелигиозную материалистическую пропаганду мы, разумеется, должны вести. Нет никакого сомнения, что делать это надо крайне осторожно и умело. Не далее, как

сегодня, мне в другом собрании пришлось сказать нашим грузинским товарищам: не торопитесь слишком с закрытием церквей в Грузии, ведите антирелигиозную пропаганду гораздо более умело и осторожно и т. д. Само собою понятно, в городе мы ведем свою пропаганду иначе, чем в деревне. Но чтобы мы провозгласили религию частным делом по отношению к партии, — это просто неслыханно.

Я не знаю, является ли этот вопрос сколько-нибудь актуальным сейчас в Швеции. Тов. Бухарин напомнил мне споры о религии между Брантингом и тогдашним союзом молодежи при расколе шведской партии. Мне совершенно непонятна та политическая цель, какой хотел достигнуть тов. Хеглунд своей статьей. Если он думал, что при помощи таких статей можно воспитывать коммунистическую молодежь в Швеции, то я его не поздравляю. Шведский союз молодежи — одна из лучших наших организаций, он является фундаментом шведской партии, но воспитывать нашу прекрасную молодежь в таком полусоциал-демократическом духе негоже. Повторяю, мне непонятно, откуда возникла такая постановка вопроса у тов. Хеглунда, я только констатирую факт: сначала тов. Хеглунд был несколько недоволен нашим, якобы, чрезмерным централизмом, а затем совершается какое-то почти религиозное чудо, и тов. Хеглунд выступает с цитированной мною статьей. Мне сдается, что этот эпизод следует как можно скорее ликвидировать и как можно скорее изгладить из памяти Интернационала.

Американская компартия.

Несколько слов о нашей американской партии. Во время IV Конгресса происходил жаркий спор относительно того, должна ли наша американская партия

попытаться стать легальной. Спор был очень горячий. Одна часть американских товарищей упрекала другую часть в ликвидаторстве именно за то, что эта последняя часть товарищей считала возможным пытаться создать легальную партию в Америке. Исполком Коминтерна после изучения вопроса высказался за необходимость попытаться создать легальную партию в Америке. Теперь прошло всего несколько месяцев, и мы с большим удовлетворением можем сказать, что это решение было абсолютно правильно. Мы имеем теперь легальную рабочую партию в Америке, так называемую «Workers Party», и она завоевывает значительное влияние на рабочие массы. Разумеется, мы нисколько не гарантированы, что такие товарищи, как Фостер и Рутенберг, не попадут на скамью подсудимых или в тюрьму. Преследования, конечно, могут продолжаться, жертвы будут, но тем не менее легальную партию создать удалось.

Японская компартия.

Я цитирую этот пример еще и потому, что хочу, опираясь на него, несколько осветить положение дел в рядах японской коммунистической партии. Как раз в настоящий момент в рядах молодой коммунистической партии Японии происходит тот же самый спор. На нашем заседании присутствует японский товарищ Айоки, один из лучших работников нового поколения японских коммунистов, который всецело стоит на той же принципиальной позиции, что и товарищ Катаяма, но который только-что приехал из Японии и поэтому особенно хорошо отражает положение внутри японской компартии. С этим товарищем и значительной частью японской партии мы имеем сейчас разно-

гласие как раз по указанному вопросу. Товарищи эти убеждены, что в Японии может существовать только нелегальная компартия. Они и слышать не хотят, чтобы попытаться сорганизовать легальную партию. Из их уст мы слышим те же самые аргументы, которые шесть месяцев тому назад слышали от ряда хороших американских товарищей. Я, разумеется, признаю, что японскую обстановку мы знаем гораздо меньше, нежели тов. Айоки, но все же мы знаем, что в Японии сейчас происходит сильное политическое брожение. Значительная часть буржуазии стоит в резкой оппозиции к господствующему режиму. Идея сближения с Советской Россией является одной из популярнейших идей в Японии. Рабочие стачки сменяют одна другую, волна стачек разливается по всей стране. Как же в самом деле предположить, что при такой обстановке всякая попытка легализовать коммунистическое движение обречена заранее на неудачу? Я думаю, что это едва ли так. Поэтому, мы будем настаивать на том, чтобы наши японские товарищи обратили серьезное внимание на опыт американской партии и попытались все же создать легальную компартию в Японии.

О других секциях я говорить не буду. В отдельном месте соответствующие вопросы будут освещены.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

На двух политических проблемах мы имеем намерение остановиться подробнее. Мы утверждаем, что есть два вопроса, в области которых в III Интернационале чрезвычайно жива еще традиция II Интернационала. Эти вопросы—национальный вопрос и отношение к крестьянству. Уже на XII съезде РКП нам довс-

лось сказать, что в особенности в вопросе о крестьянстве мы видим в III Интернационале кусок Второго Интернационала. Не нужно бояться высказать то, что есть. Разумеется, это звучит не особенно приятно, когда приходится сказать, что в III Интернационале кое в чем живы еще традиции II Интернационала. Ведь все мы знаем, что III Интернационал является антиподом II Интернационала, его противником не на живот, а на смерть, но тем не менее, мы должны понимать, что III Интернационал не свалился с неба готовым, а родился из недр II Интернационала, преимущественно из рядов старых социал-демократических партий. И понятно, что мы принесли из этих партий и кое-какое печальное наследие. Идеологические пережитки II Интернационала нужно констатировать для того, чтобы объявить им решительную борьбу и искоренить их в кратчайший срок.

II Интернационал стоял, как известно, на точке зрения «самоопределения наций», но это оставалось только на бумаге. Партии II Интернационала никогда не интерпретировали этот лозунг в действительно революционном смысле слова. А в 1914 году, к началу империалистской войны, партии II Интернационала просто на-просто предали этот лозунг. Мы в негативной нашей критике очень сильны в этой области, но что касается позитивного проведения революционной точки зрения в национальном вопросе, то тут наши партии большей частью еще очень слабы. Не в том дело, чтобы резолюции нашего 2-го всемирного конгресса нуждались в какой-либо теоретической ревизии. Нет, это не так. Но что нам нужно, так это, действительно, практическое проведение уже принятых нами самими резолюций. На нескольких примерах отдель-

ных секций я покажу вам, какой мертвой буквой остаются еще наши решения по национальному вопросу.

Положение в Англии.

Посмотрите на английскую компартию. Мы будем здесь иметь специальную английскую конференцию, которую мы созвали исключительно для того, чтобы энергичнее двинуть работу английских товарищей. В конце нашего совещания мы сможем, вероятно, заслушать доклад об этой конференции. Наша молодая английская компартия имеет еще много недостатков, но наибольший политический недостаток этой партии, по моему мнению, заключается как раз в том, что в национальном вопросе она еще отдает обильную дань традициям II Интернационала. В такой стране, как Англия, где колониальный и национальный вопросы играют такую огромную роль, это совершенно нетерпимо. Вспомните Индию, вспомните Ирландию! Никакой живой агитации по этим двум коренным вопросам наша английская партия не ведет. Вы прочитаете в английской коммунистической прессе те или другие статейки и заметки по этому вопросу, но вы не увидите живой политической кампании, вы не увидите настоящего понимания важности этих вопросов. Индифферентизм, пассивность, в лучшем случае, словесный радикализм—вот отличительные черты работы нашей английской партии в этой области. В ее жилах еще не течет горячая коммунистическая кровь. Английская компартия должна, наконец, понять, что такое отношение к колониальному и национальному вопросам есть не что иное, как пережиток II Интернационала.

Позиция Германской партии.

Возьмите германскую партию, обратите внимание на ее позицию в период рурского кризиса. Одним из наиболее важных спорных вопросов между большинством партии и так называемой левой оппозицией, в сущности говоря, является национальный вопрос. Об этом не дискутировали достаточно ясно, но кто всмотрится в дело, тот увидит, что подкладкой в некоторых спорах был именно национальный вопрос; партия не решилась с достаточной силой подчеркнуть так называемый национальный момент в его коммунистической интерпретации.

В момент, когда буржуазный режим оказался совершенно бессильным, до-зарезу необходима была ясная точка зрения в национальном вопросе. Германские коммунисты должны были иметь смелость громко сказать: мы, коммунисты, выступаем против буржуазного отечества, а когда мы будем иметь социалистическое правительство, мы будем защищать свое социалистическое отечество. Если нужно будет, мы сумеем в революционных войнах отстоять интересы социалистического отечества. Если у нас не будет сил, мы будем платить по версальскому договору, конфискуя имущество буржуазии, вплоть до того момента, когда рабочие других стран придут к нам на помощь. Мы—немецкие коммунисты, и никто другой—защищаем интересы страны, интересы народа, интересы нации. Коммунистическая партия есть единственное олицетворение подлинных интересов нации.

Этого никто не решился сказать. И это не случайно. Часть так называемых левых товарищей по непониманию считала такую постановку вопроса оппортунистической. Другие товарищи понимали, что тут

никакого оппортунизма нет, и теоретически защищали вышеизложенную точку зрения, но им не хватило ни энергии, ни умения повести определенную кампанию. Надо сказать прямо, германская коммунистическая партия будет хромать на одну ногу вплоть до того момента, пока она не поймет, как нужно ставить национальный вопрос теперь.

Позиция Юго-Славской партии.

Третий пример — коммунистическая партия Юго-Славии. Вы знаете прекрасно, как выглядит Юго-Славия после войны. Национальный вопрос является там одной из важнейших политических проблем. Буржуазия не может править страной, поскольку ей не удается справиться с национальной проблемой. Как же относится к этому наша партия? Что касается одного из выдающихся вождей партии, т. Марковича, который теперь находится в тюрьме, то из личных разговоров с ним я знаю, что он, по крайней мере теоретически, правильно понимает национальный вопрос. Но что касается других вождей партии, то этого о них, повидимому, сказать нельзя. Иные из них говорят: какое нам дело до национального вопроса, ведь мы интернационалисты, ведь пролетарии не имеют отечества, к чему же мы станем ставить этот вопрос в центр нашей агитации? В результате такого упрощения дело доходило до того, что мы откололи рабочие организации в целых провинциях Юго-Славии.

Опасный конфликт в Чехо-Словакии.

Или четвертый пример—в другом аспекте—небольшой, но очень опасный конфликт в профессиональном движении Чехо-Словакии. Мы до сих пор имеем

в Чехо-Словакии два текстильных союза, которые оба руководимы коммунистами, но делятся только по национальному признаку: немцы и чехи. Нам сообщают сейчас о довольно тяжелом конфликте между чешскими и словацкими профсоюзами.

РКП и национальный вопрос.

Даже в рядах нашей российской коммунистической партии мы также наблюдаем некоторый нигилизм в национальном вопросе. Недавно XII съезду нашей партии пришлось выправлять линию в этой области. Частенько вы можете встретить хороших товарищей-коммунистов, которые заявляют: ведь еще Маркс сказал, что пролетарий не имеет отечества, к чему же мы станем выдвигать национальный вопрос, пусть этим занимается буржуазия. Не в том заключается разница между буржуазией и нами, что для буржуазии существует национальный вопрос, а для нас, якобы, не существует. Разница заключается в том, что буржуазия в рамках капиталистического строя не может удовлетворительно разрешить национальный вопрос, а мы в рамках нашего строя разрешить его можем. Пока же мы живем и боремся в рамках буржуазного строя, мы подготовляем и пропагандируем наше разрешение национального вопроса. Я считаю, поэтому, что нам необходимо решительно выступить против того нигилизма в национальном вопросе, который под прикрытием интернационализма и радикализма на деле проводит линию II Интернационала. Во всех многонациональных государствах, во всех тех государствах, где национальный вопрос почему-либо играет сейчас крупную роль, наши партии должны понять, что вопрос этот является одним из важнейших.

Корни нигилистической психологии в национальном вопросе.

Если вы хотите понять корни психологии наших современных партий, в которых господствует нигилизм в национальном вопросе, то вам надо обратить внимание на следующее. Это — психология таких партий, которые еще не чувствуют себя партиями, стремящимися завоевать большинство в своей стране, завоевать власть и взять на себя руководство в своем государстве. Такой психологии в большинстве наших партий пока еще нет. Психология наших партий, это — пока еще просто психология оппозиционных рабочих партий в рамках буржуазного общества, — таких партий, которые не чувствуют себя еще способными стать руководящей силой, гегемоном во всей стране, завоевать большинство народа, низвергнуть буржуазию и заменить ее на руководящем посту. Все это довольно понятно, ибо наши партии в большинстве стран еще достаточно слабы. В сущности говоря, психология многих из наших секций напоминает психологию лучших социал-демократических партий времен расцвета II Интернационала: это узко-«классовая» идеология, граничащая с цеховой идеологией. Это еще не партии, которые надеются сравнительно в короткий срок действительно победить буржуазию и взять на себя дело руководства страной. Отсюда и то, что в ряде стран наши партии не замечают важности национального вопроса. Если бы, например, в нашей юго-славской секции была уже такая психология, что не сегодня - завтра она должна будет низвергнуть буржуазию и стать на ее место, она ни в коем случае не могла бы сказать, что национальный вопрос ее не интересует. Но она знала

бы тогда, что национальная проблема в современной Юго-Славии есть один из важнейших рычагов в наших руках для того, чтобы низвергнуть нынешний буржуазный режим. Нам нужны партии, которые умеют бороться не только за 8-часовой рабочий день, но которые, сорганизовав рабочих, умеют бороться за завоевание большинства трудящихся на свою сторону.

Я надеюсь, что в настоящий период, когда, по крайней мере, некоторые из наших партий уже выходят из детского периода, так как они стали значительно сильнее, и старая психология начинает заменяться новой, это не будут больше цеховые партии,—это будут партии, которые поставят себе задачу повести за собой весь народ. Это вовсе не значит, что мы станем принимать в ряды своей партии националистов и что мы, вообще, допустим разжижение социального состава наших пролетарских организаций. Партии наши, безусловно, должны остаться рабочими партиями. И эта рабочая партия должна суметь ответить удовлетворительно и на национальный вопрос во всех тех странах, где этот вопрос является одним из самых больных.

ВОПРОС О КРЕСТЬЯНСТВЕ.

Тем более это относится к вопросу о крестьянстве. В этом вопросе мы особенно много прозевали. В этой области особенно ясно, что в III Интернационале мы имеем еще пережитки II Интернационала. Я приведу вам несколько примеров и начну с нашей польской секции, которая, во всяком случае, не является худшей в Коминтерне.

Неправильность линии польской компартии.

Вопрос о крестьянстве является решающим вопросом в Польше. Недаром уже давно польские социал-

патриоты из партии П. С. П. в демагогических целях выдвинули лозунг «рабочее и крестьянское правительство»,—лозунг, который они, разумеется, на практике предавали сотни раз и выдвигали только для обмана рабочих и крестьян. Но что бы там ни было, вопрос о крестьянстве в Польше крайне актуален. И что же, несмотря на то, что часть деятелей коммунистической партии Польши давно уже поняла неправильность старомодной точки зрения на аграрный вопрос, старая традиция, однако, так еще сильна, что партия не делает самого элементарного для крестьянской пропаганды.

Пережитки II Интернационала.

Другой пример—Германия. Теоретически наши товарищи еще в программе Союза Спартака поставили вопрос, в общем, правильно, но практически они еще подвержены в этой области пережиткам II Интернационала. Когда я вырабатывал настоящий свой доклад, я не имел еще последних сведений из Германии, а между тем, оказывается, что как раз в эти последние дни германская социал-демократия внезапно выступила с специальным крестьянским законопроектом. В один прекрасный день мы развертываем «Форвертс» и видим первую страницу, всю заполненную демагогическим законопроектом, носящим громкое название: «Земля—народу». Что это означает? Само собою понятно, эти господа делают это ради демагогии. Один из немецких товарищей сказал мне, что этот законопроект является только простым ходом, чтобы попугать аграриев. Очень может быть, что для господ социал-демократов это действительно не что иное, как картежная игра, однако, ведь не лишено интереса, почему они идут именно с этой карты. Совершенно

неожиданно германская социал-демократия выступает с проектом под заглавием «Земля—народу». А что отвечает на это наша коммунистическая партия? «Роте Фане», довольно беспомощно прихрамывая, поспешает за социал-демократами, и через два-три дня заявляет, что в таком-то и таком-то месте законопроект с.-д. неправилен, и предлагает совместную борьбу за землю. Вы видите, товарищи, как неправильно распределены роли. Ведь по сути дела нужно было бы, чтобы коммунисты шли впереди в этом вопросе. Это они должны были поставить первыми вопрос о земле, и пусть бы лучше господа социал-демократы, беспомощно прихрамывая, поспешали за нами, а не наоборот. К сожалению, вышло по-иному.

Такую же беспомощность наши коммунистические партии проявляют во многих, многих странах, даже в таких, где аграрный вопрос является самым злободневным. Откуда эти ошибки? Я уже сказал: здесь сказываются традиции II Интернационала. И нечего стыдиться это признать. Никто из нас не родился законченным коммунистом: все мы пришли большей частью из недр II Интернационала, и проклятое прошлое давит нас.

Необходим лозунг «Рабочее и Крестьянское Правительство».

И вот, товарищи, я прихожу к выводу, что лучшее средство, как можно расстаться со старыми традициями, заключается в том, чтобы мы теперь развили лозунг «рабочее правительство» в лозунг «рабочее и крестьянское правительство». Вспомните, как развивалось дело хронологически: сначала тактика единого фронта, потом рабочее правительство. Ныне, я пола-

гаю, наступает момент, когда вполне логично будет расширить эту формулу.

Несколько примеров. Американская коммунистическая партия (Воркерс Парти), без всякой инициативы с нашей стороны, сама выставила пароль: правительство рабочих и фермеров. Этот пароль именно в данной формулировке сразу получил значительную притягательную силу в Америке, в этой самой промышленной стране мира. Левое крыло профессионального движения, поскольку оно, вообще, занимается политическими вопросами, целиком поддержало этот пароль. Началась борьба между американской коммунистической партией и американскими социал-патриотами. Эти последние пытаются прямо организационно слиться с частью фермерской партии, теряя позиции в рабочем классе. Социал-патриоты ищут нового социального базиса. Это явление мы замечаем не только в Америке: это, вообще, знамение времени. Мы видим то же самое в интернациональном масштабе. Можно сказать определенно: социал-демократия, как целое, теряет социальную почву в рабочем классе, и поэтому судорожно ищет теперь новой социальной базы среди мелкого мещанства, служащих и чиновников в городах и частью даже среди крестьян. Такие явления вы можете наблюдать в Америке, как и в Германии,— почти повсюду.

Какова же должна быть наша стратегия при таком положении вещей? Говоря коротко, наша стратегия должна формулироваться следующим образом: социал-демократия покидает некоторые позиции в рабочем классе, и мы должны немедленно занять эти позиции, ибо рабочий класс является нашей главной крепостью. В то же время социал-демократия, оставляя эти позиции в рабочем классе, ищет новых позиций,

в крестьянстве. Каков наш ответ на это? Мы немедленно должны настигать социал-демократию и в этой новой сфере и принять с ней бой также и в этой среде. Занимая покинутые социал-демократией позиции, мы в то же время внимательно вглядываемся, куда устремляется она ныне, преследуем ее по пятам и стараемся настигнуть ее там, где она пытается занять новые позиции.

Отсюда вывод: надо выставить лозунг рабочего и крестьянского правительства. Как пропагандистский пароль, эта формула легко применима почти повсюду. Вместо того, чтобы говорить: власть труда, власть социализма и т. п. мы будем расшифровывать в общей пропаганде эти понятия, как лозунг правительства рабочих и крестьян. Для простого труженика, который не является еще социалистом, который только что начинает разбираться в общественных вопросах, такая формула будет наиболее удобопонятной. Почему нет?— спрашиваю я.

Актуальность лозунга «Рабочее и Крестьянское Правительство» в ряде стран.

С другой стороны, в ряде стран лозунг правительства рабочих и крестьян получит непосредственно актуальное значение. Кто из нас, в самом деле, полгода тому назад думал, что в Америке пароль правительства рабочих и фермеров станет одним из важнейших политических паролей современности? Читайте, пожалуйста, отчет о судебном процессе над Фостером и Рутенбергом, и вы сразу увидите, какое значение получил этот лозунг в Америке. Почему же, в самом деле, этот лозунг мог бы оказаться неприменимым в таких странах, как Германия, где, как я уже сказал,

социал-демократия покидает позиции в рабочем классе и ищет новых. Разве это не громадное упущение, что наши товарищи, сидящие в саксонском рабочем правительстве, не удосужились поставить ни одного вопроса, который затрагивал бы за живое крестьянина?

Некоторые вопросы мы ставили очень умело и умно в саксонском рабочем правительстве, так что они затрагивали за живое социал-демократического рабочего. Неужели, в самом деле, нет ни одного такого вопроса, который затронул бы и крестьянина? Разумеется, такие вопросы есть, хотя число бедных крестьян в Саксонии и очень ничтожно. В Германии в целом, в особенности в Восточной Пруссии, крестьянская беднота составляет, однако, значительный слой, а Пруссия, что ни говори, играет ведь решающую роль в Германии.

Возьмите страну, как Польша. Там, как мы уже заметили, вопрос о крестьянстве имеет прямо решающее значение. Один пролетариат не может в Польше победить без крестьянина. Мы можем, конечно, в Польше создать серьезную коммунистическую партию, которая останется до конца крайней партией оппозиции, но победить буржуазный строй без крестьянина невозможно.

Так, коммунистическая партия, которая уже ныне имеет психологию завтрашней победительницы над буржуазией, — завтра, это в историческом смысле может означать через 5—10 лет, — должна уже сейчас подготовлять соответствующий лозунг. Пароль — правительство рабочих и крестьян — лучше всего соответствует этой задаче. Уже самое принятие нами этого лозунга начинает подготовку, завоевание определенных слоев на нашу сторону. Для начала будет уже хорошо,

если крестьянин узнает, что коммунисты выставили этот пароль. Уже это одно положит начало новому соотношению сил.

Продолжим наши примеры. Присмотримся к положению вещей еще в некоторых других странах. Возьмите такую страну, как Финляндия. В рабочем классе мы завоевали уже большинство. На последнем съезде профсоюзов соотношение коммунистов к социал-демократам было 24 : 3. В Финляндии крестьяне абсолютно решают судьбу революции. Неужели же не ясно, что при таком положении вещей пароль «рабоче-крестьянское правительство» абсолютно необходим?

Но нам скажут, может быть, что такие страны, как Польша и Финляндия, имеют, в конце концов, только второстепенное значение. Это так. Но я спрашиваю вас: ну, а Франция? Через несколько месяцев во Франции начнется избирательная кампания. Франция, как все мы знаем, крестьянская страна. Разве же не ясно, что та агитация, которую ныне ведет среди крестьян товарищ Рено Жан, получит гораздо больший размах, если партия в целом выставит во Франции лозунг — правительство рабочих и крестьян? Не подлежит никакому сомнению, что это был бы наиболее меткий удар социал-демократам, радикал-социалистам и пресловутому «левому блоку» вообще.

Остановимся на Германии. В Германии нет революционного крестьянства в том смысле, в каком мы имели его до революции в России. Но, тем не менее, и здесь, в Восточной Пруссии, мы имеем большие слои крестьян, которые, безусловно, могут оказать нам серьезнейшую поддержку. А какое воздействие окажет лозунг — правительство рабочих и крестьян, на те слои немецких рабочих, которые устали

в борьбе и потеряли веру в то, что они собственными силами могут победить буржуазию? Я думаю, только положительное.

Я считаю, товарищи, что даже в таких богатых странах, как Швейцария, Норвегия, Голландия, Дания, не принимавших участия в войне, где, стало быть, крестьяне не разорились, даже и здесь пароль—рабоче-крестьянское правительство — может принести большую пользу, ибо и там найдутся такие слои крестьян, интересы которых не только не противоречат, но частью совпадают с интересами рабочих. О Балканах нечего уж и говорить. В течение некоторого времени мы имели там так называемое крестьянское правительство, которое как раз на-днях и пало. Еще и еще раз доказано, что «средние» правительства при нынешней обостренной борьбе не могут быть прочными: либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство.

Важность организации и связь с крестьянством.

Все вы знаете о неоднократных попытках создания так называемого зеленого Интернационала, т.-е. Интернационала крестьян. Еще совсем недавно, на-днях, мы читали телеграмму о том, что господин Стамболийский вновь пытается основать зеленый Интернационал. Ныне, как известно, Стамболийский находится в местах, не столь отдаленных. Попытавшись бороться на два фронта, и против крупной буржуазии и против коммунистов, он потерпел, и должен был потерпеть, банкротство. Но, всетаки, эти попытки образовать зеленый Интернационал, несомненно, заслуживают нашего внимания. В сущности говоря, впер-

вые в новейшей политической истории мы видим теперь несколько случаев, когда крестьянские партии не без некоторого успеха пытаются играть самостоятельную политическую роль. Это имеет место и в Чехо-Словакии и на Балканах. Это стало возможным только после империалистской войны, в результате которой самосознание крестьян все же значительно выросло. Мы прекрасно знаем, что долго крестьянские партии самостоятельную политическую роль играть не могут. Крестьянство пойдет либо за буржуазией, либо за пролетариатом. Наша задача заключается в том, чтобы сделать все возможное для второго исхода. Нам надо тщательно следить за расслоением, происходящим в рядах крестьянства. Мы не можем оставаться только городской партией, если хотим победить буржуазию. Мы должны стать партией городского пролетариата, имеющей одинаково достаточную связь с деревней. Российская Коммунистическая Партия в течение, по крайней мере, двух десятилетий была только городской партией. Но победить буржуазию она смогла лишь тогда, когда через миллион солдат и крестьян она получила достаточную связь с крестьянством вообще.

И пусть не говорят нам, что у партии нет людей для того, чтобы вести работу в деревне. Людей найдется достаточно, только поставьте верно политическую задачу. У рядовых рабочих, как ни как, есть связь с деревней. Конечно, если рядовой рабочий знает, что его партия никакого политического значения работе в крестьянстве не придает, то и он об этом мало думает, а когда этот рабочий будет знать, что его партия придает громадное, решающее значение этой работе, рядовой рабочий сумеет каждую поездку в деревню, каждое письмо, посылку газет

использовать для того, чтобы завязать связь с крестьянством. Для меня не подлежит сомнению, что в момент, когда германские социал-демократы вносят законопроект о земле, печатают его с подзаголовком «Земля—народу», вопрос о рабоче-крестьянском правительстве становится актуальным в такой стране, как Германия. Для меня не подлежит сомнению, если в такой промышленной стране, как Америка, молодая коммунистическая партия с успехом проводит лозунг — правительство рабочих и фермеров, то, стало быть, ясно, что пароль этот своевременен. В Чехо-Словакии, на Балканах и, в сущности говоря, во всей Европе, мы должны выставить этот лозунг.

Трудности вопроса.

Я не скрываю от себя, что вопрос этот недостаточно подготовлен в нашей среде. В наших партиях почти совершенно не дискутировали эту проблему. Вопрос новый, крайне важный и сложный. Я ни на минуту не забываю опыта, который мы имели в связи с провозглашением тактики единого фронта, когда мы потеряли несколько месяцев на недоразумения исключительно потому, что наши партии были недостаточно подготовлены. Я немного опасаюсь, что то же самое может повториться теперь и с лозунгом — правительство рабочих и крестьян. Может быть, этот лозунг не будет понят сразу. Я заранее говорю вам, товарищи, что мы вполне согласны отложить принятие окончательного решения, если, в самом деле, дискуссия докажет, что наши партии слишком не подготовлены к усвоению этого лозунга. Пусть тогда отдельные секции основательно продискутируют этот вопрос. Затем, примем решение через

несколько месяцев. Однако, я лично думаю, всетаки, что пример тактики единого фронта не пропал даром для нашей партии. Наши секции всетаки несколько научились маневрировать и поняли, что маневренная тактика абсолютно необходима для коммунистических партий, действующих в обстановке буржуазного социал-предательского окружения. Если окажется, что это так, если окажется, что у нас есть достаточно взаимного понимания по этому вопросу, то, разумеется, я советовал бы лучше всего одобрить этот лозунг уже на данной сессии расширенного Исполкома. На наших глазах обстановка меняется. С.-д. партии теряют «душу» своих же с.-д. рабочих. Мы прорвали контр-революционный фронт амстердамских вождей. Внутренний кризис в рядах наиболее сильных с.-д. партий становится все более острым. С другой стороны, наши молодые коммунистические партии крепнут. При таком положении вещей не следует терять время.

Лозунг—Правительство Рабочих и Крестьян и диктатура пролетариата.

Мы должны, однако, ясно отдавать себе отчет в том, каковы взаимоотношения лозунга — правительство рабочих и крестьян, с нашей старой формулой— диктатура пролетариата. В нашей среде, наверное, найдутся товарищи, которые будут ставить недоуменные вопросы: если мы выставили лозунг—рабоче-крестьянское правительство, то не отказываемся ли мы этим от нашей формулы—диктатура пролетариата, останемся ли мы попрежнему рабочей партией или становимся партией рабоче-крестьянской?

Тот, кто что-либо понял в тактике единого фронта, вообще, тот, кто начинает понимать, что такое клас-

совая политическая стратегия пролетариата, тот должен понять, что пароль — рабоче-крестьянское правительство—есть путь к диктатуре пролетариата, а вовсе не отрицание диктатуры пролетариата. Правительство рабочих и крестьян в строго-научном, точном смысле слова едва ли осуществимо. Советское правительство есть на деле рабочее правительство. Власть осуществляется рабочим классом и его партией. Государственный руль находится в руках пролетариата. Но пролетариат и его партия понимают, что нужно итти навстречу крестьянству, нужно привлекать его к участию в руководстве государством: словом, что нужно управлять страной умно. Именно поэтому российский пролетариат, считаясь с реальным соотношением сил в своей стране, сумел установить должную координацию с крестьянством и сумел создать такую обстановку, при которой крестьянин поддерживает рабочего. Таким образом, на опыте величайшей из революций — русской революции — доказано, что это возможно для наших коммунистических партий. Дело должно итти о том, чтобы использовать и применить опыт русской революции в конкретной обстановке каждой отдельной страны. Таким образом, когда мы выставили пароль — рабоче-крестьянское правительство, это ни в коем случае не означает, что мы отказываемся от диктатуры пролетариата. От этого последнего мы не можем отступиться ни на один шаг. Никакого другого пути к освобождению человечества из-под ярма капитализма, кроме диктатуры пролетариата, нет и не может быть. Единственный до конца революционный класс, это — рабочий класс. Но этот класс, его партия, могут действовать умно и могут действовать глупо. Если наш класс сумеет действовать умно, то мы го-

раздо скорее достигнем цели, и жертв будет меньше. Мы сумеем частью нейтрализовать, частью завоевать на свою сторону значительные слои крестьянства и мелкой буржуазии вообще. Если же мы будем действовать неумело, если мы великие классовые освободительные задачи пролетариата будем понимать в цеховом смысле, тогда мы сами затянем момент победы.

Своевременность нового лозунга.

Мы полагаем поэтому, что настало время генерализировать лозунг — рабочее и крестьянское правительство. Уже во время IV конгресса мы чувствовали, что дело идет к этому. Для нескольких стран центральной Европы мы уже почти так и формулировали задачу. Теперь, однако, становится ясным, что этот вопрос имеет значение почти для всех стран, что он становится подлинно интернациональным вопросом. Как раз в момент, когда гамбургский съезд с такой наглядностью демонстрировал свое полное политическое бессилие, мы должны поторопиться выступить с лозунгом — рабоче-крестьянское правительство. Господа вроде Вандервельде будут делать попытки завоевать крестьян, но это им удастся только при полной нашей безрукости. Если же мы будем действовать как следует, то именно мы станем той партией, которая сможет отвоевать на сторону рабочего класса, класса-гегемона, значительные слои крестьянства.

Фашизм и лозунг — «Рабочее и Крестьянское Правительство».

И в борьбе с фашизмом этот наш лозунг должен сыграть не малую роль. Возьмите Италию, классическую страну фашизма. Обратите некоторое внимание

на хронологию. Фашизм родился в Италии как раз в тех крестьянских областях, где крестьянство вставало на борьбу за землю. Фашизм первоначально был реакцией землевладельцев на это крестьянское движение. Теперь, когда фашизм у власти, он обрушивается жесточайшей местью именно на эти крестьянские районы. Муссолини кое-где восстановил совершенно средневековые законы, вроде закона, запрещающего после 8-ми часов выходить из дому. Фашистские банды рыскают теперь как раз по этим крестьянским районам. Это банды собирают проштрафившихся крестьян и заставляют их пить мочу фашистских солдат. Это факты, которые передавали нам наши итальянские товарищи. Не ясно ли, что при таком положении вещей гнев и ненависть крестьян к фашистам растут с каждым часом. И что же? При таком положении вещей, что делаем мы? Абсолютно ничего. Я не делаю из этого какого-либо специального упрека нашим итальянским товарищам. Я знаю, что это интернациональная болезнь почти всех наших секций — слабая работа в крестьянстве. То же самое мы видим и в Италии. Ни реформисты, ни коммунисты, ни максималисты палец о палец не ударяют для того, чтобы поднять крестьян против фашистов. Не ясно ли, что в нынешней фашистской Италии лозунг — правительство рабочих и крестьян как нельзя более уместен. И этот лозунг должен быть выставлен.

Безусловная уместность лозунга «Рабочее и Крестьянское Правительство».

Конечно, господа социал-демократы сейчас же обрушатся на нас с ругательствами и станут доказывать, что в наших устах этот лозунг есть не что

иное, как демагогия. Но рабочие, которые хотят победить буржуазию, оценят его по-иному. Они увидят, что мы ищем и находим союзников в этой борьбе против буржуазии. И по-иному отнесутся к нему также трудящиеся крестьяне. И мы добьемся того, что не только нейтрализуем, но и завоюем значительные слои трудящихся крестьян. В каждой стране, где есть крестьянство, — а где его нет? — нам придется, разумеется, применять этот лозунг в соответствии с конкретной обстановкой. И, разумеется, мы имеем в виду, прежде всего, тех крестьян, которые не применяют наемного труда. Еще одно. На IV конгрессе мы излагали вам, почему мы считаем, что новая экономическая политика Советской республики есть интернациональное явление, а вовсе не только эпизод русской революции. Мы доказывали вам, что почти каждая страна должна будет пройти после революции через более или менее длинный этап такой же политики. Мы все сошлись на том, что новая экономическая политика Советской России есть не чисто русское явление и что победоносному пролетариату в любой стране придется в свое время поставить вопрос о должной координации рабочего класса с крестьянством. Если это так, — а это несомненно так, — то нам кажется, что логическим выводом отсюда тоже является лозунг — рабоче-крестьянское правительство. Когда мы обозреваем положение вещей в целом ряде стран, мы видим, что в сущности нет ни одной страны, где бы этот пароль не был уместен. Мы говорим ныне отсталому рабочему и крестьянину: мы хотим уничтожить государство богачей, мы хотим создать государство труда. Давайте же теперь прибавим к этому: поэтому мы предлагаем создать правительство рабочих и крестьян. Когда мы примем

такое решение, станут невозможными факты, когда с.-д. партии опережают нас даже на парламентской арене.

Опасности нового лозунга.

Но, конечно, еще мало принять голос решение по этому вопросу. Надо ясно сознавать, что и этот пароль чреват серьезными опасностями, как и тактика единого фронта вообще. Опасности, связанные с лозунгом — рабоче-крестьянское правительство, заключаются в том, что некоторые наши неокрепшие и в марксистском отношении мало подготовленные секции могут начать его истолковывать в духе левого эсерства. Вы все помните, что такое была русская эсеровская партия. Эта партия говорила, что она является партией рабочих, крестьян и интеллигенции. Мы говорили, говорим и будем говорить, что мы являемся партией рабочего класса. Конечно, после того, как рабочий класс победил и несколько лет продержался у власти, ему может удаться завоевать не только громадную часть крестьянства, но и значительную часть интеллигенции. В случае благоприятного развития дела в Советской Росии, мы через некоторое количество лет, безусловно, будем иметь такое положение, когда за нашей партией будет не только весь рабочий класс, но и крестьянство и интеллигенция. Господа эсеры забыли только значение одного греческого слова — хронос (время). Да... после того, как пролетариат-гегемон первый стал на борьбу, первый сорганизовался, и, привлекши к себе революционную часть крестьянства, низверг буржуазию, после этого в течение ряда лет он мог завоевать безраздельную поддержку крестьян и интеллигенции. Но только после. А для того, чтобы сыграть роль гегемона в револю-

ции, пролетариат должен был иметь свою самостоятельную пролетарскую партию, не разбавленную мелкобуржуазной водичкой, а вылитую из одного куска. Да, теперь в России не только крестьянство, но и значительная часть интеллигенции после нескольких лет саботажа начинает искренно поддерживать Советскую власть. Рабочий класс и его партия несколькими годами героической работы в эпоху величайшей из революций доказали, что они умеют защищать свою страну, что они завоевали для Советской России полную независимость, что они поднимают хозяйство, поддерживают науку, ценят интеллигенцию и т. д. При таком положении вещей интеллигенция начала склоняться на нашу сторону. Но это только доказательство того, что партия должна остаться рабочей и что она ни в коем случае не может принять эсеровскую мелко-буржуазную формулу: партия рабочих, крестьян и интеллигенции.

Опасности, вытекающие из лозунга — рабоче-крестьянское правительство, заключаются в том, что наши мало окрепшие партии, быть может, начнут затуманивать классовый характер нашей партии. Превентивные меры должны быть приняты сейчас же. Мы останемся попрежнему «твердокаменными» марксистами, «догматиками», непримиримыми. Мы останемся попрежнему рабочей партией, обеими ногами стоящей на классовой точке зрения. Границы партии должны быть определены точно и ясно. Социальный состав нашей партии должен быть рабочим, пролетарским. Но эти наши рабочие партии должны уметь действовать умно, маневрировать умело и бороться в корне с сектантством. Мы должны стать массовыми партиями во что бы то ни стало. Задача не так легка. Дело в буржуазном обществе

обстоит не так, что на одной стороне кучка буржуазии, а на другой стороне пролетариат. Если бы это было действительно так просто, то победа была бы нетрудна. На самом деле мы знаем, что между кучкой, с одной стороны буржуазии и городского пролетариата, с другой стороны мы имеем многочисленные слои, миллионы и десятки миллионов крестьян, мелкого люда, служащих, мещанства, интеллигенции и т. д. Если мы хотим полной победы над буржуазией, если мы хотим осуществить руководящую роль в государстве, мы должны серьезно подготовлять свою победу. Если мы верим в то, что международная пролетарская революция в сравнительно короткий срок победит, — а мы в этом совершенно уверены, — мы должны суметь завоевать и средний элемент, частью нейтрализовав его, частью переведя на нашу сторону. Мы должны суметь показать дорогу к освобождению от ига капитализма всем тем слоям населения, которые прямо не заинтересованы в господстве капитала.

Необходимо расширить базу нашей деятельности.

Итак, не надо ни на минуту скрывать от себя те опасности, которые связаны с лозунгом — рабоче-крестьянское правительство. Но волков бояться — в лес не ходить. Мы немножко уже научились справляться с трудностями маневренной тактики. Это доказано проведением тактики единого фронта. Чтобы научиться плавать, наши партии бросились в воду, и кое-какие из наших партий сделали уже некоторые успехи в этом смысле. В сущности говоря, первой нашей кампанией, проводимой в международном масштабе, нужно считать кампанию, связанную с тактикой единого фронта. Препятствия были не

малые. Но всетаки мы почти их преодолели. Теперь настал момент расширить базу нашей деятельности, настал момент, когда мы должны добиться перемены психологии наших партий. Наши партии должны, наконец, сознать себя не цеховыми партиями, ставящими себе лишь специфические «рабочие» задачи, но партиями, подготовляющими действительно победу над буржуазией. Если мы примем все предохранительные меры как с теоретической, так и с организационно-политической стороны, то мы можем быть уверены, что лозунг — рабоче-крестьянское правительство — ничего, кроме пользы, не принесет как в Чехо-Словакии, так и во Франции, как в Англии, так и в Скандинавии, как в Америке, так и в Германии. Словом, везде.

ПУТЬ К ПОБЕДЕ.

Уже на 3-м конгрессе мы формулировали наши задачи в двух словах — к массам. На 4-м конгрессе мы уточнили и развили нашу тактику единого фронта, и это помогло нам, как это доказано даже за истекшие шесть месяцев, проникнуть глубже в толщу рабочих масс.

Теперь перед нами еще более высокая задача: пробудить в наших партиях волю к власти, сделать из них партии, которые на каждом шагу своей работы сознают себя партиями, которые завтра победят буржуазию. Наши партии представляют собой авангард рабочего класса. Заразившись сам волей к власти, этот авангард передаст эту волю широким многомиллионным слоям рабочих. И когда воля к власти охватит миллионы и десятки миллионов пролетариев, тогда победа будет уже не так трудна. (Продолжительные аплодисменты.)

II.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ.

ПО ПОВОДУ ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ О ДОКЛАДЕ.

Тов. Хеглунд нашел, что в моем докладе многие факты не были освещены. Это ясно само собою: нет никакой возможности в одном докладе дать фактическое обозрение того, что делается во всех наших 50-ти с лишним партиях. Я и не видел свою задачу в том, чтобы освещать такие события, как коммунальные выборы в Швеции, чего требует от меня т. Хеглунд. Мне пришлось обойти молчанием даже некоторые события, имеющие бо́льшее историческое значение, чем эти коммунальные выборы. Я должен был остановиться только на главном. Я думаю, однако, что недовольство тов. Хеглунда имеет свою политическую причину. Часто бывает так, что, когда собеседнику почему-либо особенно не нравится данная тема разговоров, он предлагает поговорить о чем-нибудь другом, например, о хорошей погоде. Не это ли случилось с тов. Хеглундом, когда он предложил мне, вместо его статьи о религии, поговорить о коммунальных выборах? Я очень благодарю за это

предложение моего друга, тов. Хеглунда, но все же намерен и впредь говорить, прежде всего, о том, что является наиболее принципиально-важным и что вызывает разногласия в нашей среде в данную минуту.

ЗНАЧЕНИЕ ДЕБАТОВ О РЕЛИГИИ.

Свои замечания я должен начать, прежде всего, с вопроса о религии. Дебаты о религии выплыли несколько неожиданно. Никто из нас не думал, что в настоящей сессии Исполкома нам придется подробно останавливаться на этом вопросе. Но раз это случилось, надо добиться полной ясности. На IV всемирном конгрессе столь же неожиданно выплыл вопрос о франк-масонстве. Тогдашние дебаты принесли свою пользу, и, надеюсь, эту пользу принесут и нынешние дебаты.

В своей очень остроумной речи тов. Хеглунд пытался сделать хорошую мину при плохой игре. Он представил дело так, что практическая победа осталась, якобы, на его стороне. Он, дескать, ничего другого и не требовал, как только осторожности в вопросе о религии. Однако, все присутствующие знают, что это совсем не соответствует действительности. Помните, как возник самый вопрос? Инициатива принадлежала отнюдь не нам, а тов. Хеглунду. Никому из нас и в голову не приходило требовать объявления похода против религиозно-настроенных рабочих или против религиозно-настроенных масс, вообще. А тов. Хеглунд представил дело так, будто бы вопрос шел именно об этом. Может быть, в том положении, в каком очутился т. Хеглунд, у него никакого другого выхода не было. Его философия истории такова: какие-то злодеи или, во всяком случае, легкомысленные люди предложили начать необдуманный поход

против религиозно-настроенных людей. Он, Хеглунд, во-время заметил опасность, затормозил дело и в конце концов, добился своего. Но вы все знаете, товарищи, что такое изображение фактов высосано из пальца. Я не знаю ни одной статьи в нашей международной печати в этом духе. Мы знаем только, что за последнее время международная буржуазия вела настоящий поход против Советской России в связи с религией. Но чтобы кто-либо из нас начинал поход, указанный т. Хеглундом, этого никто не докажет. Я совершенно согласен с речью тов. Радека по вопросу о религии. Мы, разумеется, ни на минуту не забываем, что нам приходится считаться с сотнями тысяч религиозно-настроенных рабочих. Совершенно прав и тов. Ньюбольд, когда он в своей речи напоминал нам, какие широкие круги религиозно-настроенных рабочих существуют в Англии и в Ирландии. Еще два года тому назад, когда мы впервые формулировали свой лозунг—«рабочее правительство», мы прямо настаивали на том, что на этой почве мы должны вступить в соглашение не только с социал-демократами, но и с беспартийными и с католическими рабочими. В те времена некоторые чрезмерно-радикальные товарищи делали нам по этому поводу упрек. Но мы теперь остаемся на той точке зрения, что с каждым рабочим, в том числе и с религиозно-настроенным, мы должны бороться вместе против буржуазии. Тов. Хеглунду совершенно не было нужды поучать нас в этом отношении. И в России мы имели дело с миллионами рабочих и крестьян, среди которых есть значительное число религиозно-настроенных людей. Связываться с массами мы, право же, умеем не хуже других. Я привел вам пример русской партии, которая, стоя сейчас у власти, иногда исключает людей

только за то, что они венчались в церкви. Я привел этот пример не для того, чтобы предложить вам просто ему подражать. Конечно, надо считаться с обстановкой в нашей партии, которая стоит у власти. Мы прибегаем, например, к известной чистке и в то же время мы говорили вам не раз, что партии, действующие в буржуазной стране, могут обойтись без таких чисток, ибо там партии не стоят у власти и отбор происходит другим путем. То же самое в известной степени относятся и к вопросу о религиозно-настроенных членах партии. Я привел вам русский пример для того, чтобы вы видели, как поступает партия, находящаяся в такой обстановке, как наша. Не может быть и речи о том, чтобы мы объявили какой-либо поход против честных, по религиозно-настроенных пролетариев. Не может быть и речи о том, чтобы мы забывали громадное значение миллионов католических рабочих. Не об этом спорим мы с тов. Хеглундом, а о чем-то совершенно другом. Тов. Хеглунд упрекал меня в том, что я не привел точных цитат из его статьи. И меня и тов. Бухарина он упрекал в том, что мы рисуем каррикатуру на его взгляды. Что касается меня, то я не приводил точных цитат только для того, чтобы несколько пощадить т. Хеглунда, ибо самым худшим для него было бы, если бы я прочитал его статью полностью. Так как тов. Хеглунд настаивает, то мне придется теперь привести, по крайней мере, самые принципиальные (но не самые смешные) места из его статьи.

Тов. Хеглунд пишет: «Отдельные коммунисты, как частные лица, могут заниматься религиозной или антирелигиозной пропагандой, в зависимости от их желания. Это их право. И никто не станет в это вмешиваться до тех пор, пока они не вредят полити-

ческой программе и действиям коммунистической партии. Но если бы партия, как таковая, одобрила атеизм, как необходимую составную часть коммунистического символа веры, то партия, несомненно, деградировала бы до секты, совершенно так же, как если бы она объявила себя баптистской сектой».

И позвольте привести еще одно место из статьи т. Хеглунда:

«Партия требует только (от своих членов), чтобы они принимали политическую программу партии и устав ее. Но программа и устав занимаются, ведь, только вопросами о методах и средствах освобождения пролетариата от капиталистического ига».

Такова принципиальная часть статьи тов. Хеглунда. Вы, может быть, позволите мне в этом споре говорить не собственными словами, а словами таких наших признанных учителей, как Энгельс и Ленин. В статье, написанной еще во время 1-й революции — 1905 года, когда мы еще не назывались коммунистами, а были только революционным крылом социал-демократии, тов. Ленин писал:

«Религия должна быть объявлена частным делом— этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. *Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии.* Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть свободным, исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.-е. быть атеистом, каковым и бывает обык-

новенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах, в зависимости от их религиозных верований, совершенно недопустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственных сумм государственной церкви, церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан - единомышленников»...

Религия и партия.

«Полное отделение церкви от государства, — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви...

По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. *Партия наша есть союз сознательных передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте и мракобесничеству в виде религиозных верований.* Мы требуем полного отделения религии от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто-идейным путем и только идейным оружием — нашей прессой, нашим словом».

Вы видите, таким образом, как ставит вопрос тов. Ленин: религия является частным делом по отношению *к государству;* религия ни в коем случае не является частным делом по отношению к *партии.* Между тем, тов. Хеглунд пропагандирует как раз тот взгляд, что религия является частным делом именно по отноше-

нию к партии. Я прошу тов. Хеглунда ответить прямо и определенно: Верно ли я характеризую его позицию? Да или нет? Требует ли он, чтобы религия была частным делом по отношению *к партии*? Из статьи тов. Хеглунда, несомненно, вытекает, что он отвечает на этот вопрос — да. Если это так, то он делает коренную ошибку, становится на точку зрения социал-демократов, ибо самое плохое, что социал-демократия в этой области говорила, заключается как раз в том, что она требовала, чтобы религия была частным делом по отношению к партии.

Вдумайтесь внимательно во вторую цитату тов. Хеглунда, которую я читал. По Хеглунду выходит, что мы должны требовать от наших членов только признания политической части программы и устава партии. Разумеется, мы из практической жизни знаем, что рядовые рабочие (а ведь мы — партия масс), иногда даже не знакомы подробно с нашей программой, и мы не можем этого от них требовать. Мы довольствуемся тем, что они ненавидят капитализм и готовы бороться в наших рядах за низвержение его. Но от партии в целом, от ее ядра, в особенности от ее вождей, мы, разумеется, требуем не только признания устава и политической части программы. Партия имеет определенное миросозерцание. Мы марксисты. Мы стоим на почве материалистического понимания истории. Позвольте мне и в этой области тезису тов. Хеглунда противопоставить мнение тов. Ленина. Я цитирую ту же его статью:

«*Наша программа вся построена на научном, и притом именно материалистическом, мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша про-*

паганда необходимо включает и пропаганду атеизма. Издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы».

И он говорит:

«Нам придется теперь, вероятно, последовать совету, который дал однажды Энгельс немецким социалистам: перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической литературы XVIII века».

Вы видите, что это нечто совсем другое.

Опасность превращения в секту.

Тов. Хеглунд пугает нас тем, что, если мы будем атеистами, то можем превратиться в секту. Как вы знаете, товарищи, тов. Ленину удалось сорганизовать не секту, как этого боится тов. Хеглунд, а громадные массы, во всяком случае, не меньшие массы, чем имеют за собой наши шведские товарищи. Тов. Ленин имеет несколько лучшую связь с миллионами рабочих и крестьян, чем тов. Хеглунд. Ему удалось встать во главе целого великого народа, во главе международного рабочего класса. Он отнюдь не вождь секции. И, тем не менее, он говорил и говорит совершенно справедливо, что наша задача заключается не только в том, чтобы защищать устав и политическую программу партии, но и в том, чтобы пропагандировать определенное мировоззрение, составною частью которого является атеизм.

Я не знаю, должен ли я еще приводить подробные цитаты Маркса и Энгельса по тому же вопросу. Здесь цитировалось, что «религия есть опиум для народа»

и т. д. Таким образом, Маркс и Энгельс выражались совершенно иначе, чем тов. Хеглунд, говорящий о «мистерии жизни и смерти» и т. п.

Повторяю, я привел не самые смешные, а самые принципиальные части статьи тов. Хеглунда. Вы видите, какую кардинальную ошибку сделал тов. Хеглунд в этом вопросе. Пусть же он перестанет делать вид, будто бы он победил в этом вопросе. Коминтерн дает ему ясный и прямой ответ. Коминтерн не стоял, не стоит и не будет стоять на точке зрения, будто религия должна являться частным делом по отношению к партии, или будто бы наша задача ограничивается только защитой устава и политической части программы. Мы имеем гораздо бо̀льшую претензию. Мы смотрим на себя, как на партию, которая указывает путь рабочему классу и через него — всему человечеству. Мы являемся сторонниками целостного, последовательного мировоззрения, составною частью которого является коммунизм.

Как вести антирелигиозную пропаганду.

Другой вопрос, как нам вести эту антирелигиозную пропаганду. Коротко говоря, пропаганду эту надо вести умно. Мы должны найти подходящие формы, подходящие средства, подходящее время. Это совершенно ясно. Нам также иногда попадались в руки «антирелигиозные» брошюры, которые написаны так грубо, что они не только не просвещают религиозно-настроенных людей, но оскорбляют их. В этих вопросах мы должны быть особенно разборчивы и строги. Но антирелигиозная пропаганда всетаки необходима. Повторяю, я не знаю, что случилось в Швеции, что заставило тов. Хеглунда внезапно выступить с такой

статьей. Допустим даже (хотя это не доказано), что несколько нетерпеливых, малоподготовленных товарищей стали заниматься антирелигиозной пропагандой в несколько грубой форме. Если бы даже это было так, то тов. Хеглунд все таки должен был не забывать, что он является членом Интернационала. И если бы даже десяток-другой шведских товарищей действительно заблуждались, что, повторяю, не доказано, то тов. Хеглунд все таки не должен был писать таких статей, которые защищают неправильную точку зрения, могущую принести только вред международному движению. Тов. Хеглунд указывает на то, что к нашим речам придерётся социал-демократическая пресса и станет их использовывать против шведской партии. Да, это возможно. Наши взаимные споры всегда использовывает социал-демократия. Но тов. Хеглунд не должен забывать, что его религиозную статью, написанную совершенно в духе «Socialistische Monatshefte», уже наверняка использует социал-демократия. Я еще раз прошу тов. Хеглунда сказать прямо: настаивает ли он на тезисе, что религия является частным делом по отношению к партии? Если да, то он совершает неслыханную, глубочайшую, реформистского типа ошибку. Если нет, тогда это надо прямо сказать, и уже только после этого он может шутить сколько ему угодно. Что же касается до нас, то мы остаемся на старой позиции. Мы не секта, а массовая партия. Мы готовы сотрудничать с любым религиозно-настроенным, но честным пролетарием. Ни о каком антирелигиозном походе нет и речи. Мы не предлагаем ничего нового. Мы остаемся на том, что проповедывали нам Энгельс и Ленин. Мы требуем только того, чтобы товарищи, играющие серьезную роль в Коммунистическом Интернационале, как Хеглунд

не писали статей, сбивающих с толку нашу молодежь и компрометирующих идею коммунизма.

НОРВЕЖСКАЯ ПАРТИЯ.

Перехожу к вопросу о норвежской партии. Речи т.т. Фалька и Траимеля по форме были очень лойяльны. Это нужно констатировать. Казалось, что товарищи действительно ищут соглашения с Интернационалом, что является и нашим горячим желанием. Однако, лойяльный тон этих речей не может нас заставить забыть следующие факты. Уже в 1921 году, после того, как Коминтерн одобрил известные 21 условие, мы переживали первый кризис с норвежской партией. Уже тогда норвежская партия была на волосок от разрыва с Коминтерном. Только конференция, которую мы имели, после съезда в Галле, с покойным товарищем Киррэ Грэп и другими вождями норвежской партии (в том числе с тов. Транмелем), помогла нам избегнуть этого раскола. Это было в 1921 году. В 1923 году дело прямо дошло до того, что большинство ЦК норвежской партии постановило было выйти из Коминтерна; этого забыть нельзя. Решение это было принято под влиянием тов. Транмеля. Это далеко не мелочь. Все мы связаны с Коминтерном не на живот, а на-смерть. Для нас Коминтерн — важнейшее орудие для освобождения мирового пролетариата. Для нас Коминтерн — самое святое, что может быть. Забыть указанную резолюцию мы так легко не можем.

Группа «Мот Даг».

Фальк защищал против нас группу Mot Dag, он говорил о том, что мы нападаем на эту группу, не приводя цитат, не называя имен. Если так, позвольте

мне привести цитату из одной только статьи из Mot Dag, приписываемой Мейеру, который был представителем норвежской партии на IV конгрессе. (Докладчик приводит ряд цитат антисемитского характера, вызывающих возмущение всего зала). Тов. Хеглунд говорил, что следует быть лойяльным по отношению к каждому товарищу, кто хочет бороться с нами плечо-о-плечо. Это верно, но можем ли мы быть лойяльными к тем субъектам, которые пишут статьи, цитаты из которых вы сейчас слышали? Неужели антисемитизм является теперь «частным делом» по отношению к партии? Ничего подобного в пролетарской партии терпеть нельзя. Мы глубоко уважаем норвежскую партию и норвежских рабочих, которые ведут борьбу против буржуазии, но пусть норвежские рабочие поскорее освободятся от субъектов, которые марают пролетарское знамя такими выходками, как только что мной процитированная. Мы искренно уважаем тов. Транмеля, которого мы знаем годами, как человека, бесповоротно связавшего свою судьбу с рабочим классом. Если мы шли на громадные уступки норвежской партии, то только потому, что мы знаем, что Транмель и его ближайшие друзья могут ошибаться, но все же являются вернейшими сторонниками рабочего класса. Если же тов. Транмель терпит такие вещи в Mot Dag'e, то мы позволяем себе спросить тов. Транмеля: кто же уважает норвежскую партию и кто не уважает ее? Нас упрекали в том, что мы на IV конгрессе требовали исключения Карла Иогансена, между тем, как он вовсе не являлся членом партии, но не забудьте при этом, товарищи, что этот Иогансен, не являясь членом партии, был в то же время одним из редакторов центрального органа партии. В какой партии возможно что-либо подобное?

Ответ тов. Транмелю.

Я должен сказать, что речь тов. Транмеля сводилась к тому, что он просил дать ему срок для проведения всех тех мер, которые наметил Коминтерн. Если бы вопрос стоял только о временном конфликте и не был бы столь острым, если бы мы видели, что товарищи из группы Транмеля сами решительно и искренно начинают необходимую реорганизацию партии, то мы бы потерпели еще,—по времени прошло не так мало. Транмель напомнил наше совещание после съезда в Галле. Это было, если не ошибаюсь, в 20-м году. Теперь 1923-й год. Прошло три года. Сколько же времени надо, товарищи? Неужели 30 лет? Если для реорганизации партии, для перемены названия органа, который еще недавно назывался «Социал-Демократом», вам мало даже трех лет, то сколько же лет вам надо, чтобы сделать революцию?

Тов. Транмель местами говорил в своей речи так, как будто бы Коминтерн только вчера родился, как будто бы у нас нет устава Коминтерна, как будто бы мы никогда не обсуждали вопроса о централизме и т. д. Мы родились не пять дней тому назад, а уже пять лет существует Коминтерн, как официальная организация. Я уже не говорю о предистории Коминтерна, о тех годах, когда мы вместе с Хеглундом основывали Циммервальдскую левую и т. д. Ведь все эти вопросы о том, должен ли быть Коминтерн единой мировой партией или свободной, мало оформленной федерацией мы обсуждали десятки раз, и имеем точное решение на этот счет. Зачем же теперь делать совершенно детское открытие, являющееся давно превзойденной ступенью международного рабочего движения? Три года прошло со времени нашего совещания в Галле.

Вы считаете этот срок недостаточным, но вы почему-то считаете совершенно достаточным трехлетний срок для некоторых молодых людей из группы Mot Dag, чтобы дать им возможность уже играть чуть ли не решающую роль в вашей пролетарской партии и даже поднимать знамя восстания против Коминтерна.

Молодежь и антисемитские статьи «Мот Даг».

Тов. Фальк жаловался на статью Шацкина, которую он объявил нелойяльной; я все же совершенно солидарен со статьей тов. Шацкина и не вижу здесь ничего нелойяльного. В этой статье говорится, что коммунистическая молодежь Норвегии обязана подчиняться высшей дисциплине Коминтерна. В тех случаях, когда норвежская партия этого не делает, что же вы думаете,—что норвежская молодежь должна одобрить антисемитскую статью из Mot Dag'a? Если бы я был помоложе и жил в это время в Норвегии, я с удовольствием стал бы во главе группы молодежи, которая пошла бы бить окна в редакции, допускающей такие статьи, как та, которую я вам цитировал. И на вопрос об организациях молодежи вам следует взглянуть не только с норвежской, но и с международной точки зрения. Как обстояло недавно дело во Франции? Мы знаем все, что первая организация во Франции, которая целиком стала на почву Коминтерна и серьезно содействовала изживанию кризиса в партии, была организация молодежи. Посмотрите на Италию. Там происходит то же самое. Коммунистическая молодежь есть лучшая часть Коминтерна. Неужели, тов. Хеглунд, вы, один из основателей движения молодежи, ныне уже так состарились, что вам трудно понять, какие преимущества на стороне ком-

мунистической молодежи? Это очень хорошо для Коминтерна, что молодежь, подрастающее поколение, легче переходит на сторону коммунизма. Ничего нелойяльного я не вижу в том, что молодежь призывает соблюдать международную пролетарскую дисциплину в тех случаях, когда другие ее нарушают. Зато, действительно, в высокой степени нелойяльным является тот факт, что норвежская партия терпит хотя бы один час молодцов, пишущих антисемитские статьи. Тов. Фальк спрашивает, почему мы не называем имен. Я не назвал имени автора цитированной статьи потому, что эта статья не подписана. Но все норвежские товарищи говорят, что автором является Мейер, тот самый Мейер, которым нас хотели осчастливить на IV конгрессе, как членом Исполкома. А тов. Хеглунд еще вчера жаловался на то, что мы выбрали в Исполком тов. Шефло, а не представителя большинства, почтенного Мейера. Тов. Фальк жалуется на Бухарина за то, что он нашел в группе Mot Dag фашистский элемент. Побывав в Норвегии и увидев живьем этих людей, тов. Бухарин интуитивно понял, что дело тут идет о фашистском элементе. Я вполне солидарен с тов. Бухариным. Очень ли вы удивитесь, если автор цитированной мною статьи станет фашистом (он уже является фашистом)? Мы обращаемся к норвежским товарищам и говорим им: вы должны почистить в своем собственном доме, тогда вы не услышите таких упреков, какие вам пришлось слышать из уст тов. Бухарина. Мы согласны пойти на всякие уступки таким работникам, как тов. Хеглунд и Транмель, которые не вчера пришли в рабочее движение и не завтра из него уйдут, мы готовы товарищеским образом обсудить с ними все разногласия. Но с людьми, которые пишут цитированные мною статьи, нам раз-

говаривать не о чем. И если товарищу Хеглунду, имеющему за собою хорошее прошлое революционера, теперь приходится разгуливать под ручку с Мейером, я могу об этом только пожалеть. В речи тов. Хеглунда были очень остроумные шутки. Но плохую шутку сыграла с ним судьба, когда заставила его стать союзником Мейера.

ОТВЕТ ТОВ. ХЕГЛУНДУ.

Я перехожу теперь к десяти пунктам, изложенным тов. Хеглундом. Мне придется поневоле войти в детали. Тов. Хеглунд упрекает Исполком в том, что он не был достаточно нейтрален в борьбе двух сторон в Норвегии. А мы говорим вам прямо, что мы никогда нейтралитета в споре между марксистами и реформистами соблюдать не станем, а в споре между коммунистами и антисемитами и подавно. В принципиальных вопросах мы были достаточно объективны. Тов. Траммель вчера признал, что Исполком резко критиковал парламентскую группу, руководимую Шефло, когда она делала определенные ошибки. Но перехожу к пресловутым 10-ти пунктам.

Пункт 1. Вы сделали ошибку, говорит тов. Хеглунд, когда исключили Лиана, а потом взяли назад свое решение. Как обстояло дело? Во время международной конференции в Генуе мы внезапно узнаем из газет, что в Геную поехал от французского правительства Жуо, а от норвежского — Лиан. Относительно Жуо мы считали это нормальным. Относительно Лиана, являющегося членом Коминтерна, мы были возмущены. Мы, однако, не исключили Лиана сами, а послали телеграмму в ЦК норвежской партии с просьбой исключить его. И мы узнаем, что Лиан

принял мандат от правительства не единолично, а с согласия своего ЦК. У нас оставались две возможности — либо обрушиться на весь ЦК, либо взять назад свое решение в отношении Лиана. Нам пришлось сделать последнее. Лиан — старый работник профдвижения, но он не является действительным коммунистом, я очень боюсь, что он никогда им и не станет. Нам следует, разумеется, привлекать к работе таких дельных товарищей, как Лиан, но соблюдения дисциплины мы имеем право от него требовать.

Пункт 2. Наше первое политическое письмо к норвежской партии не было будто бы подвергнуто предварительному обсуждению с представителями этой партии. Это неверно. В то время представителем норвежской партии в Москве был тов. Фриис. Не мы выбрали Фрииса, а вы сами его назначили. В то время вашим официальным представителем был еще Шефло.

В пунктах 3 и 4 тов. Хеглунд обвиняет нас опять и опять в том, что мы не поддерживали достаточных связей с Норвегией. И это неверно. Вы знаете прекрасно, что мы в течение IV конгресса чуть ли не дюжину телеграмм послали тов. Транмелю с просьбой приехать в Москву. Мы сделали все возможное для того, чтобы добиться его приезда. От него все время получались отрицательные и довольно демонстративные ответы.

Пункт 5. Второе письмо к норвежской партии было односторонним, говорит тов. Хеглунд. Но здесь товарища Хеглунда опровергает сам Транмель, который признал, что мы не останавливались перед резкой критикой парламентской фракции, руководимой Шефло.

Пункт 6. Тов. Хеглунд считает ошибкой, что мы на IV конгрессе выбрали в Исполком Шефло, а не

представителя большинства. Но представителем большинства, как мы уже вам сказали, был намечен пресловутый Мейер. Здесь мы уже заявляли, что Мейер является автором цитированной неслыханной статьи. И никто не опроверг этого. Руководство, которое лежит на Коминтерне, дело серьезное. Может быть, нам завтра придется принимать решения, имеющие огромную важность. И думается, что это является довольно элементарным требованием, чтобы при выборах в такой орган, как Исполком Коминтерна, где приходится решать дела не только своей собственной партии, но и других партий, нам выдвигали кандидатов, имя которых хоть что-нибудь говорит Интернационалу. Таким образом, в тот момент, когда Транмель демонстративно отказывался приехать на конгресс, когда в Mot Dag'е писались подобные статьи, когда нам подсовывали кандидатов вроде Мейера, мы отказывались выбрать его в Исполком; думается, что мы поступили правильно.

Пункт 7. Исключение Карла Иогансена. Я уже говорил об этом обвинении.

Пункт 8. Решения, принятые против Mot Dag'а, говорит Хеглунд, были неправильны. И съезд в Христиании их не поддержал. Да, в Христиании мы имели большинство противников наших взглядов. Что же касается Mot Dag'а, то его физиономия вам теперь ясна.

Пункт 9. Вы слишком форсировали реорганизацию норвежской партии, говорит тов. Хеглунд. Я уже вам сказал, что три года пошло на одно то, чтобы добиться перемены названия газеты, а нам говорят, что мы форсируем. Это прямо смешно.

Пункт 10. Обвинение тов. Бухарина против группы Mot Dag. Об этом мы также уже говорили, и, на-

деюсь, мнение Бухарина разделяется всем Исполкомом Коминтерна. Здесь не раздалось ни одного голоса в защиту норвежского большинства.

Таким образом, мы ответили на все знаменитые десять пунктов тов. Хеглунда, у которого есть очень большие заслуги перед международным рабочим движением. Право же, он мог выбрать себе более благодарную задачу, чем оказывать поддержку наихудшим, наиболее колеблющимся элементам норвежской партии. Его задача, как серьезного марксиста, как одного из основателей Циммервальдской левой, должна была состоять, по нашему мнению, в том, чтобы бороться против колеблющихся товарищей в норвежской партии и облегчить нам проведение реорганизации.

Повторяю, если бы дело шло только о времени, то мы бы согласились дать тов. Транмелю еще некоторый срок. Если бы мы видели, что тов. Транмель и его ближайшие друзья сами берутся за дело — мы бы спокойно сказали: не будем их дергать, они сами сумеют сделать необходимое. Но когда мы видим, что руководящую роль в норвежском движении начинают играть люди типа Мейера, тогда наше терпение истощается. Мы прекрасно знаем, что норвежская партия имеет другие традиции, чем другие партии, и что, в связи с этим, ей трудно перейти к централизму. Мы учитываем, как и тов. Транмель, что единство профдвижения в Норвегии необходимо во что бы то ни стало сохранить. Но посмотрите, однако, товарищи, что получилось с норвежским профдвижением. Норвежские профсоюзы, которые в громадном большинстве стоят за нашу партию, на деле не находятся ни в Амстердаме, ни в Профинтерне. Что это значит? Для некоторых норвежских товарищей это, повидимому, идеал — не быть ни за 2-м, ни за 3-м

Интернационалом, а отсиживаться у себя в Норвегии в сторонке. Я знаю прекрасно, что есть в норвежской партии люди, которые хотели бы и для партии создать такое положение — ни во 2-м Интернационале, ни в 3-м. Я говорю это с полным сознанием своей ответственности и могу это доказать. Положение, которое создалось теперь для норвежских профсоюзов, также нестерпимо. Единство профдвижения нам крайне необходимо. Теперь, в момент, когда левое крыло Амстердамского Интернационала ищет сближения с Москвой, отсиживаться норвежским профсоюзам в стороне весьма зазорно. Вспомните недавнюю международную конференцию транспортных рабочих. Вспомните роль в ней одного из секретарей Амстердамского Интернационала, Фиммена. Все эти элементы поняли, что нужен союз с Профинтерном. А наши норвежские товарищи этого понять не хотят. Нам говорят, что это трудно сделать потому, что в Норвегии сейчас происходит жестокая классовая борьба. Но эта борьба происходит и во всех других странах. И, наконец, что такое Профинтерн? Разве это дискуссионный клуб или увеселительное общество? Профинтерн как раз для того и создан, чтобы организовать классовую борьбу рабочих. Как же можно так мотивировать? Наоборот, вы должны сказать: именно потому, что в нашей стране сейчас происходит большая экономическая битва рабочих с капиталистами, мы должны как можно скорее объединиться с Профинтерном.

ВОПРОСЫ МЕСТНЫЕ И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ.

Товарищи. Все вы знаете Георга Ледебура, вождя покойного $2^1/_2$-го Интернационала. Ледебур есть не что иное, как более или менее приличный социал-демократ, да и приличным-то он был не всегда. Правда,

на недавнем конгрессе в Гамбурге он считался представителем самого крайнего левого крыла. Один из социал-демократов в Гамбурге сделал ему даже неслыханный упрек в том, что он, Ледебур, говорит в Гамбурге, — о ужас! — совсем так же, как в Галле говорил Зиновьев. Этот упрек, я думаю, потряс 75-летнего Ледебура в чрезвычайной степени. Но мы-то с вами знаем, конечно, что Ледебур и теперь остается только социал-демократом. И вот Ледебур решил основать новый Интернационал. Он уже привлек в этот грозный Интернационал такие могучие партии, как эсеробелоруссы, и тому подобных комиков. Он выработал устав своего будущего Интернационала. В этом уставе мы читаем следующие строки:

«Действительно революционный социалистический Интернационал должен определять всеобщие выступления, которые должны будут проводить афилированные организации. Интернационал должен также предписывать директивы относительно тактики, которую будут применять в отдельных странах. Но Интернационал должен предоставлять отдельным организациям проведение решений применительно к местным условиям».

Так пишет социал-демократ Ледебур. Норвежский коммунист Фальк, как вы слышали, идет гораздо дальше Ледебура с требованием децентрализма. Я спрашиваю вас, товарищи: вопрос о тактике германской коммунистической партии в связи с рурским кризисом, был ли это вопрос локальный или интернациональный? А тактика французской или бельгийской партий в связи с этим же вопросом не есть ли это интернациональный вопрос? Вопросы, связанные с международной конференцией транспортников, вопросы тактики Коминтерна — что все это? Локальные или интернациональные вопросы? Норвежские товарищи должны

понять, что вся наша жизнь в чрезвычайной степени интернационализировалась. Если мы хотим достигнуть каких-либо результатов, мы именно должны создать настоящую интернациональную организацию. В мелочи внутренней партийной жизни отдельных секций мы никогда не вмешивались. Надо сказать, к сожалению, что мы слишком мало вмешивались во внутренние дела наших партий. Мы слишком еще слабы для этого. Когда Коминтерн просуществует еще лет с пять, мы, разумеется, станем еще гораздо более интернациональной организацией. Я спрашиваю наших критиков: где и когда мы чрезмерно вмешивались в локальные вопросы? Разве поездка тов. Лиана в Геную от имени норвежского правительства была локальным вопросом? Разве не имела она громадного международного политического значения для нашего рабочего движения? В такие вопросы мы вмешивались. Ну, а вопрос о религии, поднятый здесь тов. Хеглундом, разве это локальный вопрос? Что касается знаменитых коммунальных выборов в Швеции, о которых говорил тов. Хеглунд, то в такие вопросы мы как раз не считали нужным вмешиваться. Мы надеемся, что наша шведская партия сумела провести необходимую политическую агитацию в связи с этими выборами. А постановка вопроса о религии есть такой вопрос, в который Коминтерн вмешаться должен. Пора понять норвежским товарищам, что их упреки по нашему адресу в чрезмерном централизме подбиты ветром. Поверьте, что и мы имеем некоторый опыт в рабочем движении и знаем, что̀ можно централизовать и что̀ нельзя централизовать. Никогда мы не станем вмешиваться в мелкие организационные вопросы. Если бы это случилось, тогда вы будете правы, упрекая нас.

ДАТСКИЙ ВОПРОС.

Тов. Хеглунд говорил о Дании. По его мнению, Исполком сделал большие ошибки в вопросах датского движения. Я, однако, констатирую, что за все время датского конфликта (а тянется этот вопрос около двух лет) мы не получили ни одного совета, ни одного письма от Ц. К. шведской коммунистической партии. Первую комиссию, которую мы назначили для разбора датского вопроса, мы избрали из шведов; если не ошибаюсь, Трапмель или Хеглунд, а, может быть, и оба принимали участие в этой комиссии. Очень может быть, что мы действительно сделали кое-какие ошибки в датском вопросе. Мне лично, например, было очень тяжело, что мы в связи с этим конфликтом потеряли в Дании т. Марию Нильсен. Мы знаем ее, как преданного талантливого работника революционного рабочего движения. Но ведь мы именно вам, шведам, поручили разбор этого конфликта, почему же вы ни разу не заявили нам, что Исполком делает ошибку, почему ни разу не внесли определенного предложения исправить эту ошибку? То, что сообщил датский тов. Лаурсен, является чем-то вопиющим. Тов. Хеглунд в качестве члена Исполкома имеет, разумеется, право указать Исполкому на совершаемые им ошибки в датском вопросе. Это, безусловно, право тов. Хеглунда. Но чего тов. Хеглунд и никто из нас не имеет права делать,— это окольными путями обходить решения Исполкома Коминтерна и поддерживать такую группу, которая исключена из Коминтерна. А т. Хеглунд делал это посредством посылки дружественных писем и приглашений на съезд именно этой группе. Это уже прямо не лойяльно. Повторяю, вы имеете полное право

предложить Исполкому пересмотреть неправильное, по вашему мнению, решение, но этого вы как раз и не сделали, а бросаете авторитет шведской партии на весы той группы, которая до сих пор Исполкомом не признана. Это недопустимо. Мы выбрали теперь новую комиссию, которая должна будет рассмотреть вопрос о том, действительно ли мы сделали ошибку в связи с датским движением. Если эта ошибка была, мы первые предложим ее исправить, но мы должны исправлять свои ошибки организованным путем, как полагается коммунистам. Пока же существует решение, принятое большинством, меньшинство должно его проводить.

Я могу теперь расстаться с северными партиями. Мы избрали многочисленную комиссию по вопросам, связанным со скандинавским конфликтом, которая должна будет вынести решение. Резкая дискуссия, которая имела здесь место, ни в коем случае не должна нам помешать пойти на все необходимые уступки старым борцам норвежского и шведского рабочего движения. Нам нужно было здесь формулировать точно и ясно свою точку зрения. В комиссии выяснится, действительно ли существуют большие и коренные разногласия между нами. Если они есть, то ничего не поделаешь, каждый из нас будет бороться за свою точку зрения. Если же разногласия только частные, то мы должны принять решения возможно более единодушные и провести их дружно. У нас были уже тяжелые конфликты в других секциях—германской, итальянской, французской, американской, чехо-словацкой и т. д. С гордостью мы можем сказать, что все решения, принятые Коминтерном, облегчили изживание этих кризисов. И это по то той простой причине, что решения Коминтерна отражали опыт не

одной только партии, а всего международного рабочего движения. Тов. Транмель не должен забывать, что, кроме Норвегии, существуют еще и другие страны. Я вполне понимаю, что тов. Транмель влюблен в ту партию, одним из творцов которой он был. Все мы любим каждый свою партию. Но все же норвежские товарищи должны помнить, что существует еще опыт немецкой, русской, чехо-словацкой, французской и других партий. Вопросы централизма и федерализма не являются новыми вопросами и многократно уже рассматривались на интернациональных конгрессах, и Коминтерн составил себе вполне определенное мнение по поводу их.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОМПАРТИЯ.

Я перехожу к итальянской коммунистической партии. Молодая итальянская компартия—любимое дитя Коминтерна. Но в то же время это дитятко причиняет нам не мало хлопот. Тов. Урбани представлял дело так, как будто я в моем докладе говорил, что всю вину за нынешний кризис несет только центральный комитет итальянской коммунистической партии. Если бы я сказал это, то, разумеется, это было бы преувеличением. Но я вовсе не говорил, что вина ложится исключительно на ЦК компартии. Я только говорю, что этот ЦК также один из виновников сложившегося тяжелого положения. Тов. Урбани утешает нас тем, что социалисты правого крыла саботировали решение IV конгресса. Это утешение слабое. Все эти господа для того и существуют, чтобы саботировать решения коммунистических конгрессов. Но от нашей коммунистической партии мы имеем право требовать иного отношения. Я не упрекаю вас,

коммунистов, в недостатке доброй воли. Я знаю прекрасно, с какими громадными объективными трудностями вы встретились в последние месяцы. Но что вы виноваты во многом,—это абсолютно ясно. Я полагаю, что на пленуме незачем больше подробно говорить об итальянском конфликте. Что нужно было,—сказано, остальное должна дополнить комиссия. Мы твердо надеемся, что решения, которые мы на этот раз примем, будут неукоснительно проведены в жизнь. Фашистский режим ослабевает. Вскоре в Италии повеет новым, свежим ветерком, и тогда наши товарищи будут иметь успех.

Перехожу теперь к другим речам, произнесенным здесь. Я согласен с тов. Варга, что, может быть, разумнее будет, по крайней мере в отдельных случаях, формулировать наш лозунг «рабочее и крестьянское правительство» словами «правительство рабочих и трудящегося крестьянства», но об этом мы еще поговорим.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

В нескольких словах я хочу остановиться на речи тов. Коричонера. Тов. Коричонер говорит, что примитивный интернационализм рабочих все же помог нам объединить широкие пролетарские массы и что этот примитивный интернационализм является хорошей реакцией против империалистической войны. Тут надо условиться, о чем мы говорим. Само собою понятно, что то, что тов. Коричонер называет примитивным интернационализмом масс, я считаю положительным явлением. Это не примитивный, а просто здоровый интернационализм масс. Если рабочие говорят себе: мы не имеем отечества в буржуазном госу-

дарстве, мы — класс международный, то это не «примитивно», а просто правильно. Это здоровое интернациональное чувство пролетария, которое ни в коем случае не следует смешивать с примитивизмом в национальном вопросе. Разумеется, это здоровое чувство интернационализма принесло громадную пользу движению. Это была здоровая реакция против империалистской войны. Только на основе этого настроения мы и могли создать новый Интернационал. Это очень хорошо, что чешский рабочий не противопоставляет себя немецкому рабочему, как самостоятельная держава. Это очень хорошо, что и чешский и немецкий рабочие говорят себе: мы работаем в одной мастерской, мы должны иметь общую организацию, нас не должны разделять национальные различия; национальные раздоры предоставим буржуазии. Все это очень хорошо, но мы-то в своем вступительном докладе говорили о чем-то совершенно другом.

Чего мы требуем? Мы требуем, чтобы наши партии, действующие в тех странах, где национальный вопрос играет большую роль, умели бы использовать национальный момент против буржуазного режима. Наши партии должны попытаться двинуть против господствующего правительства также и те элементы, которые движимы национальным недовольством. Я напоминаю пример русских большевиков: задолго до Октябрьской революции русские большевики сумели двинуть против Керенского, например, украинских националистов. Мы, разумеется, не принимали украинских националистов в ряды нашей большевистской партии. Об этом не может быть и речи. Но их недовольство националистской политикой Керенского мы сумели использовать для пролетарской революции. Мы заявили открыто, что стоим за национальную не-

зависимость, что, придя к власти, мы освободим все народы от национального гнета, что мы в корне уничтожим традиции Романовых и Керенских, что мы не будем спорить против образования ими, украинцами, самостоятельного государства. И, таким образом, нам удалось частью нейтрализовать украинскую мелкую буржуазию, а частью прямо направить ее против националистического режима Керенского. Если бы вместо этого мы в тот момент пришли к украинским мужикам и сказали им: Маркс заявил, что пролетарий не имеет отечества, поэтому нас не интересует украинский национальный вопрос,—то это был бы не марксизм и не интернационализм, а просто карикатура. Аналогичные положения (хотя во многом и непохожие на то, что было у нас в 1917 г.) складываются теперь в таких государствах, как Юго-Славия, Чехо-Словакия, Польша и даже Англия и Германия, даже, в последнее время, Бельгия. Ни в какой мере мы не говорим, что нам нужно, чтобы наши рабочие делились по национальному признаку, но наша партия, как целое, как политическая организация, должна суметь дать свои ответы на национальные проблемы и, таким образом, частью нейтрализовать, частью завоевать на свою сторону новые силы.

Т. РОСМЕР — ПРАВ.

С тов. Росмером мы абсолютно согласны в том, что дискуссия с норвежской партией во многом напоминает дискуссию, имевшую место во французской партии.

С тов. Росмером мы абсолютно согласны, ибо аргументы норвежских товарищей слово в слово похожи на аргументы правого крыла французской партии.

ОТВЕТ ТОВ. ЗАПОТОЦКОМУ.

На речи тов. Запотоцкого мы хотели бы остановиться немного подробнее. Тов. Запотоцкий говорит: «Мы находимся теперь в такой ситуации, что при самом сильном желании мы не можем поднять массу на непосредственную борьбу за конечную цель, за диктатуру пролетариата. С другой стороны, если мы не можем звать массу на решающие битвы, то мы должны ее чем-нибудь занять. Мы должны маневрировать с ней, ибо иначе может начаться разложение. Маневрирование же с массой не может носить слишком общего и неопределенного характера. Необходимо иметь точное направление, ясную, хотя бы и преходящую, цель. Если я хочу вызвать длительный энтузиазм масс и повести их на борьбу, то я должен пробудить массы к сознанию, что, по крайней мере, некоторые определенные успехи будут достигнуты и что в виду этого они должны действовать смелей. Я не должен утомлять массы беспрерывными безрезультатными маневрами, ибо это приведет только к разложению и истощению сил»,

Признаюсь, это место в речи тов. Запотоцкого мне совершенно не ясно. Я не берусь сказать твердо, есть ли у нас какие-либо серьезные расхождения с т. Запотоцким или это только недоразумение, которое следует разъяснить. Он говорит, что к массам нельзя подходить с лозунгом диктатуры. Я полагаю, что для такой страны, как Чехо-Словакия, такое заявление преувеличено. Финансовое положение Чехо-Словакии с каждым днем становится все труднее, безработица приняла грандиозные размеры, политическое положение в стране абсолютно неустойчивое. Достаточно напомнить о вечных парламентских кри-

зисах в Чехо-Словакии. В Чехо-Словакии далеко нет еще упрочившегося правительства. В такой стране, думается, наша пропаганда идеи диктатуры падет на благодарную почву. Я боюсь, что т. Запотоцкий смешивает две вещи. Разумеется, не на каждом собрании мы можем подходить с шаблонным сухим паролем диктатуры пролетариата. Но чтобы как раз в Чехо-Словакии лозунг диктатуры пролетариата звучал так безнадежно, — этому я не верю. Повторяю, когда в такой маленькой стране мы видим сотни тысяч безработных, когда финансовое банкротство становится очевидным, когда политическое положение стало неустойчивым, заявление тов. Запотоцкого звучит не совсем правильно. Я недавно читал корреспонденцию одного известного русского белогвардейского писателя Изгоева, которому случилось 1 мая этого года побывать в Праге и наблюдать маевку. Признаюсь открыто, этому отчету Изгоева я поверил больше, чем некоторым оптимистическим отчетам наших представителей, которые, естественно, часто переоценивают наши силы. Изгоев наш злейший враг, это отчаянный ненавистник большевизма, — на этого свидетеля положиться можно. Что же он видел 1 мая в Праге? Громаднейшие рабочие демонстрации, исчислявшиеся десятками тысяч шедших за знаменами коммунистов, а также несколько тысяч хорошо одетых людей, в том числе много дам, шествовавших со знаменами социал-демократов. Что это значит? Мы знаем, что Прага имеет значение для Чехо-Словакии, а пражский пролетариат во многих вопросах решает дело. Боюсь, что тов. Запотоцкий в этом вопросе настроен чересчур пессимистично. Проповедь диктатуры пролетариата в современной Чехо-Словакии абсолютно уместна. Надо только суметь выбрать надлежащие формы. Рас-

суждения тов. Запотоцкого о маневрировании мне тоже непонятны. По его мнению выходит, что для того, чтобы рабочие не деморализировались, мы должны их чем-то занять. Но имейте в виду, тов. Запотоцкий, что наши широкие массы рабочих нельзя занять искусственно придуманными затеями. Рабочая масса имеет очень изощренный инстинкт действительности. Да, я думаю, нам и не придется искать искусственных занятий для рабочих. Общее положение в стране таково, что если партия сумеет выступить, как компактная организованная политическая сила, то занятия найдутся. Тов. Запотоцкий говорит дальше, и тоже не очень ясно, о том, что при помощи маневров нам надо стараться достигнуть чего-либо позитивного, чего-либо положительного. Он ставит вопрос так: не только маневрирование, но и достижение положительных результатов. По-нашему, такая постановка вопроса уже сама по себе неправильна. Мы разъяснили это подробно в нашем вступительном реферате. Маневрирование нам нужно не из любви к искусству маневрирования, а, разумеется, для того, чтобы достигнуть определенных результатов. Я надеюсь также, что под «положительными результатами» в ковычках тов. Запотоцкий не имел в виду каких-либо плохих парламентских комбинаций.

ПЕРСПЕКТИВЫ В БОЛГАРИИ.

Переходим к Болгарии. Тов. Коларов справедливо сказал здесь, что болгарская партия раньше уже выбросила пароль «рабочее и крестьянское правительство». Но выбросить лозунг — этого одного еще мало. Нужно суметь облечь его плотью и кровью, нужно суметь в надлежащий момент ринуться в революционную борьбу за осуществление его. И вот,

думается, что теперь для болгарской партии наступил решающий момент. Наша болгарская партия является, в известном смысле, одной из лучших партий Коминтерна. Но выдержит ли она политический экзамен сейчас, я сказать не берусь. Мы не знаем еще подробно, как обстоят сейчас дела в Болгарии. Мы имеем пока только следующие известия. Первое известие о том, что гражданская война в Болгарии началась. Стамболийский не то взят в плен, не то, по последним сведениям, даже убит. Некоторые телеграммы говорят о том, что партия Стамболийского ведет на Софию армию, состоящую из двадцати тысяч крестьян. Другие газеты указывают на то, что крестьянская партия будет блокировать Софию и возьмет ее измором, не давая ей продовольствия. Стамболийский имел в Софии крестьянскую полицию. В настоящий момент эта полиция разбита белогвардейскими офицерами, встречаемыми местами вооруженным отпором. Другая телеграмма говорит о том, что в Плевне, в одном из важнейших пунктов Болгарии, коммунисты начали восстание против белого правительства, но ЦК коммунистической партии, будто бы, по телеграфу приказал местной организации подчиняться белым войскам. Мы, разумеется, не гарантированы, что сообщение не является фальсификацией. В первые дни переворота вполне естественно, если будут распространяться фальшивые известия. Я должен, однако, сказать, что у меня нет полной уверенности в том, что это известие вымышленное. Я прямо скажу, что считаю, что болгарская партия находится в большой опасности. Болгарская партия в течение четверти века накопляла силы, и это было хорошо. Но теперь наступил момент, когда нельзя уже все вопросы разрешать под углом зрения дальнейшего

накопления сил. Наступил момент, когда коммунисты должны вступить в союз с крестьянством и даже с проклятым Стамболийским для того, чтобы вместе организовать борьбу против белых. Большевики в 1917 г. не отказались на некоторое время итти вместе с Керенским (который также расстреливал и сажал в тюрьму большевиков) против Корнилова. Уже сегодня мы читаем в телеграммах заявление представителя нового белого болгарского правительства в Париже относительно того, что это правительство расправится с коммунистами беспощадным образом. Это ясно: если нынешнее правительство упрочится, оно перережет коммунистов и спустит на них фашистскую фурию. Пришел момент, когда наша партия должна показать, что двадцатипятилетнее накопление сил не создало в этой партии косности. Партия должна доказать теперь, что она собирала силы не зря, и что она умеет в решающую минуту бросить всю свою революционную энергию на ту чашу весов, которая должна перетянуть. Теперь, через самое короткое время, выяснится, действительно ли наша болгарская партия является революционной коммунистической партией, или она накопляла силы только в старом социал-демократическом смысле слова.

На мой взгляд, существуют следующие три возможности. Во-первых, что партия вступит в борьбу, соединится с революционной частью крестьянства и покажет себя настоящей коммунистической партией. Тогда борьба, быть может, будет очень тяжелой, будет длиться месяцами, но в конечном результате, несомненно, победит рабочее и крестьянское правительство, которое впоследствии превратится в советское правительство. Вторая возможность та, что партия окажется косной, не активной, и тогда она, быть может, получит на

два-три месяца передышку от белого правительства, а через короткое время, когда это правительство укрепится, оно расправится с коммунистами или, что еще хуже, коммунисты загнив и превратятся в такую партию, которая не опасна даже белому правительству. Тогда она перестанет существовать, как революционный фактор. И, наконец, третья возможность заключается в том, что часть рядовых членов партии втянется в революционную борьбу, а центральный комитет окажется не активным и будет призывать к «спокойствию». Тогда не исключен раскол нашей партии. Эта третья перспектива, разумеется, самая печальная и самая нежелательная. Но она все же не исключена, и в настоящий решающий для Болгарии момент мы считаем своим долгом указать и на нее. Повторяю еще раз, наша болгарская партия имеет наилучшую теоретическую подготовку, имеет образованный штаб коммунистических вождей, но она должна теперь показать, что умеет совершить диалектический переход от накопления сил к революционному действию. Если она этого сделать не сумеет, это будет величайшим несчастьем для болгарской партии и для всей революции на Балканах. Разумеется, мы отсюда не можем давать никаких окончательных директив. Мы слишком далеко находимся от места действия. В такой момент сама партия должна показать, чего она стоит и что̀ умеет. Но Интернационал должен иметь ясную точку зрения и должен видеть, насколько опасным и тяжелым является положение болгарской партии сейчас.

ЛОЗУНГ: РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Я думаю, что могу теперь кончить. Что касается лозунга рабочего и крестьянского правительства, то после дискуссии, имевшей здесь место, я полагаю, мы

можем смело решить, что на этой же сессии Исполкома мы этот лозунг утвердим. Во вступительном моем докладе я сказал, что если из дебатов выяснится, что существуют большая разноголосица и большое непонимание по этому вопросу, тогда следует подождать. Дебаты показали, что между нами существует солидарность в этой области, положение созрело, мы должны теперь начать эту агитацию. Меня особенно обнадежила в высшей степени интересная речь германского тов. Эверта. Эта речь показала, что в такой решающей стране, как Германия, наша партия вполне подготовлена к новому лозунгу. А ведь германская партия является сейчас одной из важнейших. Возражение тов. Транмеля против этого пароля неверно, по нашему мнению, даже применительно к Норвегии. Но если бы тов. Транмель и доказал, что этот лозунг не верен для Норвегии, то это вовсе не значит, что Интернационал не должен его принять. По моему мнению, теперь доказано, что лозунг вполне своевременный.

Я указал в своем докладе на одну из опасностей, связанных с лозунгом рабочего и крестьянского правительства. Это—опасность, что некоторые недостаточно выдержанные в теоретическом отношении наши партии будут толковать этот пароль в эсеровском духе. Тов. Транмель прав, указывая на вторую опасность. Он справедливо сказал, что этот лозунг должен иметь целью сближение с широкими массами крестьянства, а не мелкие парламентские комбинации с так называемыми крестьянскими депутатами. Это — правильно. Предлагаемый нами лозунг имеет главной целью заставить наши партии начать работу среди широких слоев крестьянства. Именно в этом смысле мы должны проводить его.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПСИХОЛОГИИ НАШИХ ПАРТИЙ.

В заключение, еще несколько слов о психологии наших партий. Мы уже говорили об этом подробно, и мне показалось, что эти слова пали на хорошо подготовленную почву. Да, по крайней мере, у наших наиболее крупных партий теперь, действительно, начинает рождаться новая психология. Тов. Радек говорил уже здесь о заявлениях германской фашистской газеты, которая называется, кажется, «Das Gewissen». Эта неглупая газета пишет, что коммунистическая партия Германии стала теперь национал-большевистской партией, что эта партия стала партией борьбы, которая обращается ко всему народу и говорит: идемте со мной. Товарищи, я считаю, что это большой комплимент в устах фашистской газеты. Я надеюсь, что комплимент этот вполне заслужен нашей партией. Когда эти люди говорят, что наша партия является национал-большевистской, то это приходится рассматривать, как комплимент. Мы-то с вами прекрасно знаем, что с национализмом наша партия ничего общего не имеет, что в вульгарном смысле слова она национал-большевистской не является, но что у нас появилась психология партии, которая может взять на себя руководство всей страной, которая не боится сказать, что судьбы Германии связаны с судьбами коммунистического пролетариата, — это прекрасно. Именно так: идемте с нами все, кто хочет бороться. Именно так и должна говорить германская коммунистическая партия. Если у германской секции появилась такая психология, если даже наши враги это признают, то это гигантский шаг вперед. Этим доказано, что внутренние разногласия внутри германской коммунистической партии изживаются, что наступила

настоящая консолидация партии, что партия понимает принцип классовой борьбы не в цеховом смысле слова, что она сознает, что Германия находится накануне новых революционных потрясений. Да, товарищи, Германия находится накануне революции. Это не значит, что до революции остался месяц или год. Может быть, потребуется гораздо больше времени, но в историческом смысле Германия находится накануне пролетарского переворота. Могут еще наступить очень тяжелые условия и частичные поражения, но общие предпосылки для социалистического переворота в Германии созрели. Тот факт, что мы имеем там крепкую партию, которая растет с каждым днем, является величайшей надеждой Коммунистического Интернационала. Все наши внутренние споры о централизме и т. п. являются мелочью по сравнению с этим великой исторической важности фактором. Германия является важнейшей страной в том смысле, что через Германию идет дорога к пролетарской революции в Европе. Вот почему состояние нашей германской партии является вопросом поистине международным.

ЗНАЧЕНИЕ СЕССИИ ИСПОЛКОМА.

Я твердо надеюсь, что наша настоящая сессия Исполкома будет иметь значение не меньшее, чем наши конгрессы. Мы уйдем с этой сессии окрепшими. Все мы теперь испытываем то чувство, что единственным Интернационалом является Коминтерн. Я совершенно согласен с тов. Росмером и с тов. Хеглундом, что не следует недооценивать вредного значения гамбургского интернационала. Эта организация для буржуазии сделает еще очень много и, стало быть, принесет нам еще очень много вреда. Но все же соотношение сил

начало меняться в нашу пользу. Международная конференция транспортных рабочих и все, что связано с ней, является крайне характерным симптомом времени. Медленно, но верно соотношение сил меняется в нашу пользу. При помощи лозунга рабочего и крестьянского правительства мы теперь еще расширим нашу базу. Я думаю, что еще в течение ближайших месяцев, еще до V конгресса нам придется принимать решения громадной важности. Кульминационный пункт наступления капитала как будто превзойден. Внутри международного рабочего класса происходит медленный, молекулярный, но в высшей степени важный решающий процесс. Все это новые явления. Большие слои рабочих начинают покидать социал-демократию и с симпатией следят за нашей работой. Терпение и выдержка, ясный взгляд, твердая рука и бесконечная преданность Коммунистическому Интернационалу — вот, что нам нужно. Тогда успех будет обеспечен. (Бурные аплодисменты).

III.

РЕЧЬ

при закрытии пленума.

ЗНАЧЕНИЕ ПЛЕНУМА.

Товарищи. Я думаю, все вы разделяете то чувство, что эта сессия расширенного Исполкома является одной из плодотворнейших сессий и что она имеет, в сущности, значение всемирного конгресса. Работы нашей сессии распадаются, как почти всегда за последнее время, на две части. Первая часть: конкретное положение в отдельных секциях. Вторая часть: общепринципиальные вопросы, относящиеся ко всему Интернационалу. Обе эти части, разумеется, нельзя механически отрывать одну от другой. Конкретное изучение положения дел в отдельных секциях вполне соответствует духу всей работы Коминтерна. От этих конкретных вопросов мы восходим к общим.

Что касается первой группы вопросов, охватывающих конкретную работу отдельных секций, то важнейшими на этот раз были: Италия, Норвегия и Болгария. Что касается Италии, то после той жестокой критики, которой мы подвергли нашу итальянскую

коммунистическую партию, я испытываю потребность сказать следующее. Все же, несмотря ни на что, единственной надеждой революционного пролетариата Италии является наша молодая коммунистическая партия. Мы испытываем потребность послать отсюда горячий привет лучшему вождю итальянского рабочего класса, нашему другу Бордига (аплодисменты), который сейчас находится в фашистской тюрьме, а также другим коммунистическим вождям Италии, которые, несмотря на свои промахи, показали, что они верные солдаты революции и сумели спасти честь рабочего класса Италии. Мы еще не знаем, как сложатся наши отношения с социалистической партией Италии. Вы слышали сегодня текст письма И. С. П. к нам и наш ответ ей. Мы готовы сделать все, что зависит от нас, для того, чтобы добиться сближения с честными элементами социалистической партии Италии. Но все же самым надежным нашим отрядом в лагере врага является итальянская коммунистическая партия. И мы от всей души провозглашаем здесь вместе с вами: несмотря на слабости, несмотря на все разногласия с отдельными вождями партии—да здравствует Коммунистическая Партия Италии! (Бурные аплодисменты.)

НОРВЕЖСКИЙ КОНФЛИКТ.

Мы не можем не сказать здесь еще несколько слов по поводу норвежского конфликта. В сущности говоря, мы имеем в Норвегии своего рода Лейбур Парти, только с обратным знаком. В Англии Лейбур Парти есть партия, являющаяся конгломератом профсоюзов и других рабочих организаций, и вся Лейбур Парти вместе проникнута реформистским духом. В Норвегии мы имеем партию, построенную на том же принципе, которая, однако, отличается от английской

Лейбур Парти тем, что проникнута в значительной степени коммунистическим духом. Великая задача Коммунистического Интернационала заключается в том, чтобы сохранить норвежскую партию, как массовую партию, построенную на самом широком базисе, и, вместе с тем, вытравить из нее все пережитки федерализма и реформизма. Это очень большая задача. Мы твердо надеемся, что на основе принятых нами на этой сессии решений мы эту задачу разрешим.

О БОЛГАРСКОЙ КОМПАРТИИ.

Что касается Болгарии, той из наших секций, которая в настоящий момент не имеет даже своего представителя в зале, то мы уже указали на основные уроки, вытекающие из последних событий. Нам приходится разрешить две задачи. Во-первых, сделать так, чтобы уроки болгарского поражения не пропали даром для других партий, прежде всего, для братских партий Чехо-Словакии и Германии. Вторая же задача заключается в том, чтобы помочь болгарской партии выйти из тяжкого поражения с наименьшими потерями. Нам приходится поэтому, поскольку дело идет о публичных выступлениях, быть очень осторожными. Но закрывать глаза на происшедшее нельзя. Уроки последних событий в Болгарии имеют значение далеко за пределами Болгарии и даже всего Балканского полуострова. Болгарские события в некоторых пунктах освещают наше принципиальное решение с необычайной ясностью.

БОРЬБА С ТРАДИЦИЯМИ.

Мы приняли резолюцию об отношении коммунистов к религии. Почти во всех секциях Коммунистического Интернационала нам приходится еще бороться

с теми или другими пережитками 2-го Интернационала. Нам незачем стыдиться сказать это вслух. Мы родились из недр 2-го Интернационала, мы окружены традициями, которые складывались в рабочем движении почти в течение 50-ти лет. Нам пришлось и на этот раз принять резолюцию, которая, казалось бы, является чем-то само собой разумеющимся для каждого коммуниста, — но вы знаете, что это не было так. Я твердо, однако, надеюсь, что это последний раз, когда нам приходится заниматься подобными вопросами. Будем надеяться, что в огне гражданской войны сгорели уже все пережитки 2-го Интернационала.

РЕЗОЛЮЦИЯ О РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

Самое важное, что дала нам настоящая сессия, это, по моему мнению, политическая резолюция о рабоче-крестьянском правительстве. Теперь уже ясно, что почти во всех наиболее значительных секциях Коминтерна этот лозунг был в значительной мере подготовлен. Не далее, как сегодня, я получил последний номер «Юманитэ» с речью тов. Рено Жана, где я с удовольствием вижу, что в несколько других выражениях он формулирует тот же пароль, когда он пишет, что левому блоку надо противопоставить во Франции блок рабочих и крестьян. В той или другой форме подобное же заявление мы слышали из рядов других секций. Ясно, что назрели условия для того, чтобы бросить этот лозунг. И мы можем теперь надеяться, что в деле проведения нового лозунга мы сможем действовать быстрей, энергичнее, единодушнее, чем это было тогда, когда мы впервые формулиро-

вали тактику единого фронта. С этим лозунгом мы проникнем в массы еще глубже и завоюем себе новую базу.

Я уже сказал, что болгарский пример иллюстрирует правильность нашего лозунга, быть может, с наибольшей ясностью. Мы обвиняем руководителей коммунистической партии Болгарии не в том, что они боролись под плохим лозунгом; мы обвиняем их в том, что они не боролись вовсе. В Болгарии создалось положение, при котором болгарская компартия должна была вступить в борьбу во что бы то ни стало. Не было бы беды, если бы вначале лозунги борьбы были сформулированы даже не вполне правильно. Лишь бы только началась борьба, события исправили бы дело. Настоящая же беда заключается в том, что в момент, когда не было другого исхода, болгарская компартия все же уклонилась от борьбы.

Роль правительства Стамболийского еще раз доказала, что политика середины в настоящую эпоху невозможна и что, стало быть, невозможна самостоятельная политическая роль мелко-буржуазных крестьянских партий. Еще и еще раз доказано, что крестьянство лишь вслепую идет за буржуазией и становится ее жертвой, либо должно пойти за пролетариатом и бороться вместе с ним. В нашей резолюции о рабоче-крестьянском правительстве сказано совершенно правильно, что даже там, где крестьянские партии являются внешним образом независимыми партиями, они на самом деле представляют собою не что иное, как пушечное мясо для буржуазии, для самых заклятых классовых врагов крестьянства. Наша задача заключается теперь в том, чтобы просветить крестьян, указать им дорогу и убедить их в том, что единственная возможность защитить крестьянские интересы заклю-

чается в том, чтобы объединиться с нашим классом, с пролетариатом, у которого нет никаких целей, в корне противоречащих интересам крестьянства.

О ЗАХВАТЕ ВЛАСТИ.

Мы говорили в нашем первом докладе и говорим в принятых резолюциях о необходимости изменить психологию наших партий, пробудить в них волю к власти. В этом отношении болгарский пример тоже крайне интересен. На примере этой большой партии, имеющей большинство в рабочем классе и большое влияние на крестьянство, мы все же убедились в том, что у нее не только не было воли к власти, но была прямая боязнь ее. В сущности говоря, пред нами на минуту всплыли те же самые явления, которые в нашей борьбе большевиков с меньшевиками, в русской революции, являлись отличительной чертой меньшевизма. Меньшевизм более всего отличался от большевизма тем, что каждый раз в решающий момент обнаруживал прямую боязнь и отвращение перед захватом власти пролетариатом. Коалиционная власть в союзе с буржуазией — да, на это меньшевизм всегда был готов, это было высшим пунктом его мечтаний. Самостоятельная же пролетарская власть — этого меньшевизм всегда боялся, как огня.

Нам, как уже сказано, необходимо пробудить в наших партиях другую психологию. Они должны понять, что нет, кроме пролетариата, другой исторической силы, способной осуществить освобождение человечества. Они должны понять, что историческое предназначение нашего класса заключается в том, чтобы захватить политическую власть и взять в свои руки судьбы мира.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАШИЗМ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ.

Новые черные пятна покрывают территорию Европы. Сначала Италия, теперь Болгария, которая хочет стать второй Италией. Происходят изменения в худшую сторону — в сторону реакции и в других странах. Пока что, прямой угрозы Советской России еще не существует, пока что соотношение таково, что считается чем-то само собой разумеющимся: даже если фашистская буржуазия побеждает в той или другой стране, она всетаки не отказывается от сношений с Советской Россией. Это доказано итальянским примером, вероятно, это же докажет и Болгария. Повторяю, пока что, соотношение сил именно таково, что международный фашизм еще не мечтает о прямом нападении на Советскую Россию. Но соотношение сил — величина переменчивая. Не надо делать себе иллюзий. Совершенно ясно, что если бы это соотношение сил изменилось в еще худшую сторону, Советская Россия, главный оплот Коминтерна в мировой революции, будет находиться в непосредственной опасности. В конце концов, именно это доказано примером недавнего англо-русского столкновения. Если эти черные пятна будут множиться и зальют территорию всей Европы, положение Советской России станет очень опасным. Каждое такое новое черное пятно есть прямая угроза Советской России. Это мы все должны иметь в виду.

БОРЬБА ЗА ЕДИНЫЙ РАБОЧИЙ ФРОНТ.

Но в то же время происходят новые молекулярные процессы и в среде рабочего класса. Мы говорили уже о значении международной конференции транспортных рабочих. Как раз сегодня мы получили теле-

графное сообщение о совещании в Амстердаме делегатов Международного Союза Транспортных Рабочих. Мы не знаем еще подробностей, но телеграмма сообщает, что в Амстердаме приняты две компромиссных резолюции. Господа социал-демократы и, в первую очередь, немецкие социал-демократы, пытавшиеся изо всех сил сорвать начало единого фронта транспортных рабочих, повидимому, не могли этого достигнуть. Это, несомненно, является симптомом того, что внутри Амстердамского Интернационала происходят серьезные изменения. Я надеюсь, что сессия Профинтерна, которая начнется на этих днях и которой мы шлем лучшие пожелания, отметит этот важный факт.

И еще следующий симптом. Мы получили сообщение от чехо-словацких товарищей, что за последние дни чешская социал-демократия выступила с целой серией статей за единый фронт с коммунистами. Все вы знаете, что чехо-словацкие социал-демократы являются чуть ли не самой реакционной составной частью 2-го Интернационала. Очень может быть, что названная серия статей является только дипломатическим приемом, чтобы попугать свою буржуазию. Но тем не менее, это знамение времени.

Все это симптомы того, что в глубочайших глубинах рабочего класса происходят новые процессы. Да было бы чудом, если бы этих процессов не было. Наступление капитала, оргии фашизма, появление новых черных пятен реакции — все это неизбежно должно вызвать новую ориентировку в широких кругах рабочих масс. Мы должны внимательно изучать эти изменения среди рабочего класса и прислушиваться к биению сердца международного рабочего движения. Мы должны сделать все возможное, чтобы повести дальше борьбу за единый фронт и по-

пуляризировать наш новый лозунг—рабоче-крестьянское правительство. Мы должны завоевать, наконец, весь рабочий класс и значительную часть крестьянства. Мы должны пробудить в этих классах волю к власти. Коминтерн становится, наконец, настоящей международной боевой организацией пролетариата. Теперь более, чем когда бы то ни было, мы имеем право сказать, что мы являемся единственной международной организацией пролетариата, что мы создали единую мировую компартию. За цели этой мировой партии мы будем бороться, и мы победим. (Аплодисменты. Пение Интернационала.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1р. 50к